Фридрих Ницше

Воля к власти

Часть сборника

По ту сторону добра и зла. В
к власти (сборник)

Фридрих Ницше

Воля к власти

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6559970
По ту сторону добра и зла: Эксмо; М.:; 2013
ISBN 978-5-699-67984-3

Аннотация

Книга «Воля к власти» вышла уже после смерти Ницше в реконструкции, предпринятой его сестрой Е. Ферстер-Ницше и сотрудниками архива (считается, что из этой, сфабрикованной сестрой Ницше книги нацистские идеологи заимствовали многие мысли). Именно эта работа снискала себе славу одного из главных трудов философа и оказала влияние на мировую культуру и историю.

Содержание

Воля к власти 5
Введение 5
Предисловие 13
1 13
2 13
3 13
4 13
Книга первая 14
К плану 14
I. Нигилизм 15
1. Нигилизм как следствие бывшего до сих пор в ходу толкования ценности бытия 15
2. Дальнейшие причины нигилизма 21
3. Нигилистическое движение как выражение декаданса 25
4. Кризис: нигилизм и идея «возвращения» 32
II. К истории европейского нигилизма 35
A. Современное омрачение 35
B. Последние века 43
C. Признаки подъема сил 52
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Фридрих Вильгельм Ницше
Воля к власти

Фридрих Вильгельм Ницше
(1844—1990)

Воля к власти
Опыт переоценки всех ценностей

Введение

Еще весной 1883 года, когда мы с братом были в Риме, он говорил, что намерен, как только окончит «Заратустру», написать свое главное теоретико-философское сочинение в прозе; когда же я осенью 1884 года в Цюрихе напомнила ему этот разговор и спросила о положении дела, он таинственно улыбнулся и намекнул, что пребывание в Энгадине было в этом отношении весьма плодотворно. Мы уже знаем из введения к восьмому тому, как велико было значение этого лета в деле разработки его главного прозаического труда. Однако нет никаких оснований думать, что основные мысли этого произведения возникли лишь в ту пору; нет, они уже полностью в поэтической форме содержатся в «Заратустре»; это совершенно ясно из того, что наброски и планы, относящиеся к концу 1882 года, то есть ко времени до возникновения первой части «Заратустры», имеют весьма большое сходство с идейным содержанием «Воли к власти».

Но само собой разумеется, что мир новых мыслей не мог быть исчерпан в «Заратустре»; он требовал еще и отдельного теоретико-философского прозаического изложения, продолжая в то же время из года в год расти и становиться отчетливее. Мы встречаемся поэтому в планах, относящихся к лету 1884 года, все с теми же проблемами, что и в «Заратустре», а позднее в «Воле к власти». Все, что им было написано с этого времени, представляет лишь дальнейшее выяснение и изображение этих основных мыслей; так что о «Воле к власти» можно, пожалуй, сказать то же, что мой брат писал Якову Буркхардту по поводу «По ту сторону добра и зла», а именно, что в этом сочинении «говорится о тех же предметах, что и в «Заратустре», но иначе, весьма иначе».

Что автор хотел переждать несколько лет (он говорит о шести и даже о десяти годах), прежде чем приступить к окончательной разработке этого огромного произведения, а пока собирал только драгоценные камни для стройки и занимался обширными подготовительными изысканиями по этому предмету, это более чем понятно. Кроме того, из планов, относящихся к лету 1884 года, можно усмотреть, что он в то время еще колебался в вопросе, какую из главных своих мыслей выдвинуть на первый план и сделать средоточием этого произведения: вечное ли возвращение или переоценку всех прежних высших ценностей, распорядок ли рангов вплоть до их вершины, сверхчеловека ли или волю к власти как принцип жизни, роста и стремления к господству. Но с каждым годом он, по-видимому, все яснее сознавал, что необычайная сложность жизненной ткани лучше всего может найти свое выражение в «Воле к власти».

Здесь уместно задаться вопросом: когда же, собственно, у философа *впервые* зародилась эта мысль о воле к власти как воплощенной воле к жизни? На подобные вопросы в высшей степени трудно дать ответ, так как у моего брата корни его главных мыслей всегда приходится искать в весьма отдаленном времени. Для него, как и для здорового, могучего дерева, нужны были долгие годы, прежде чем мысли его могли получить свою окончательную форму и ясные очертания, за исключением, впрочем, одной – вечного возвращения, которая предстала ему впервые летом 1881 года, а год спустя получила свое выражение. Быть может, мне будет позволено привести здесь одно воспоминание, которое даст кое-какие указания относительно времени первого возникновения мысли о воле к власти.

Осенью 1885 года, перед тем как уехать с мужем в Парагвай, мы с братом предприняли целый ряд чудесных прогулок в окрестностях Наумбурга, чтобы повидать еще раз места, где протекло наше детство. Так, однажды мы бродили между Наумбургом и Пфортою по возвышенностям, с которых открывался замечательный вид; в этот вечер освещение было особенно красиво: желтовато-красное небо было покрыто темными, черными облаками, сообщавшими всему окружающему какой-то странный колорит. Эта картина вызвала брата на замечание, что облака эти напоминают ему один вечер из тех времен (1870), когда он был санитаром на театре войны (нейтральная Швейцария не дозволяла профессору своего университета отправиться на войну в качестве солдата). Обучившись уходу за больными в Эрлангене, он получил от тамошнего комитета поручение отправиться в качестве уполномоченного и начальника санитарного отряда на поле битвы. Ему доверены были большие суммы и дан был ряд личных поручений, так что ему пришлось переезжать от лазарета к лазарету, от одной амбулатории к другой в районе военных действий, останавливаясь только для того, чтобы помочь раненым и умирающим и принять от них их последнее «прости» близким и родным. Что пришлось при этом перенести за это время сострадательному сердцу моего брата, не поддается описанию; еще месяцы спустя ему слышались стоны и жалобные вопли несчастных раненых. В первые годы он почти не мог говорить об этом, и, когда Роде[1] однажды в моем присутствии пожаловался, что так мало слышал от своего друга о пережитом им в бытность его санитаром, брат мой с выражением муки на лице заметил: «Об этом *не надо* говорить, это невозможно; нужно гнать от себя эти воспоминания!» И в тот осенний день, о котором я начала говорить, он рассказал мне только, как однажды вечером, после всех этих ужасных скитаний, он «с сердцем, почти разбитым состраданием», приехал в маленький городок, через который пролегала большая дорога. Когда он обогнул городскую стену и прошел несколько шагов вперед, то вдруг услыхал шум и грохот, и мимо него, как сверкающая молниями туча, пронесся красивый кавалерийский полк, великолепный, как выражение народного мужества и задора. Но вот стук и гром усилились, и за полком в стремительнейшем темпе понеслась его любимая полевая артиллерия, и, ах, как больно было ему не иметь права вскочить на коня и быть вынужденным сложа руки стоять у этой стены! Напоследок шла пехота беглым шагом: глаза сверкали, ровный шаг звенел по крепкому грунту, как могучие удары молота. И когда все это шествие вихрем пронеслось мимо него в битву, быть может, навстречу смерти, столь величественное в своей жизненной силе, в своем мужестве, рвущемся в бой, являя собой такое полное выражение расы, решившей победить, властвовать или погибнуть, «тогда я ясно почувствовал, сестра, – так закончил свой рассказ мой брат, – что сильнейшая и высшая воля к жизни находит свое выражение не в жалкой борьбе за существование, но в воле к битве, к власти и превосходству!» «Но, – продолжал он, немного помолчав и вглядываясь в пылающее вечернее небо, – я чувствовал также, как хорошо то, что Вотан[2] влагает жестокое сердце в грудь вождей; как могли бы они иначе вынести страшную ответственность, посылая тысячи на смерть, чтобы тем привести к господству свой народ, а вместе с ним и себя». Многие, бесконечно многие пережили в то время нечто подобное, но глаза философа смотрят иначе, чем глаза остальных людей, и он извлекает новые познания из таких переживаний, которые ничего не дают другим. Насколько иным и несравненно более сложным должно было казаться ему столь превозносимое Шопенгауэром чувство сострадания, когда он впоследствии, возвращаясь мысленно к этим событиям, сопоставлял это чувство с представшим тогда его взору чудесным видением воли и жизни, битвы и мощи. В этой последней воле он видел такое душевное состояние, которое обеспечивает человеку полную гармонию его наиболее могущественных

[1] *Роде Эрвин* (1845—1898) – выдающийся немецкий филолог-классик.

[2] *Вотан* – верховный бог в германо-скандинавской мифологии, покровитель воинов.

инстинктов, его совести и его идеалов; это состояние он усматривал не только в исполнителях такой воли к власти, но также, и прежде всего, в самом полководце. Наверное, именно тогда впервые перед ним предстала проблема страшного и губительного влияния, которое может иметь сострадание как некоторая слабость в те высшие и труднейшие минуты, когда решается судьба народов, и насколько справедливо поэтому предоставление великому человеку, полководцу, права жертвовать людьми для достижения высших целей.

В какой глубокой захватывающей форме появляется впервые эта мысль о воле к власти в поэтических образах «Заратустры»; при чтении главы «О самопреодолении» во мне всегда встает тихое воспоминание об изображенных мною только что переживаниях, в особенности при следующих словах:

«Везде, где находил я живое, находил я и волю к власти; и даже в воле служащего находил я волю быть господином».

«Чтобы сильнейшему служил более слабый – к этому побуждает воля его, которая хочет быть господином над еще более слабым: лишь без этой радости не может он обойтись».

«И как меньший отдает себя большему, чтобы тот радовался и власть имел над меньшим, – так приносит себя в жертву и больший и из-за власти ставит на доску – жизнь свою».

«В том и жертва великого, чтобы было в нем дерзновение, и опасность, и игра в кости насмерть».

Весной 1885 года, по завершении четвертой части «Заратустры», мой брат, насколько можно судить по его заметкам, уже решил сделать волю к власти как жизненный принцип средоточием своей главной теоретико-философской работы. Нам попадается заглавие: «Воля к власти, толкование мирового процесса». Зимою 1885/86 года он собирался сначала написать на эту тему небольшое сочинение, к которому у нас имеется целый ряд набросков. Он называет его: «Воля к власти. Опыт нового миротолкования». Совершенно понятно, что он останавливался в смущении перед необъятностью задачи: изобразить волю к власти в природе, жизни, обществе как волю к истине, религии, искусству, морали, проследив ее во всех ее отдаленнейших последствиях. Увы, как часто, вероятно, ему приходилось с отчаянием говорить себе: «Один! Всегда один! И один в этом огромном лесу, в этих дебрях!» И вот, чтобы хоть немного облегчить себе задачу и сделать ее обозримее, он все снова и снова пробует разбить свой большой труд на более мелкие, менее объемистые трактаты. Так, весной 1886 года он набрасывает план десяти новых произведений, которые могли бы быть выпущены в свет в качестве новых «Несвоевременных размышлений».

Но во время своего пребывания в Лейпциге в мае – июне 1886 года, в то время как он вел переговоры с издателем по поводу напечатания «По ту сторону…», он пришел к окончательному решению, независимо от «По ту сторону…», которое должно было представлять некоторое предуготовление к большому произведению (на самом же деле было отдельным куском этого последнего), посвятить ближайшие годы целиком разработке и печатанию «Воли к власти». Я вправе, быть может, высказать предположение, что это пребывание (в мае-июне 1886 года) в Лейпциге отняло у него последнюю надежду найти себе сотоварищей и сотрудников для этой большой работы. Эта надежда на сотрудничество друзей, которая при слабости его глаз представлялась для него вдвойне соблазнительной и, несмотря на пережитые им крупные разочарования, постоянно вновь пробуждалась в нем, была от дней юности восторженной грезой его души – грезой, которой не суждено было осуществиться. Он пишет:

«Проблемы, перед которыми я стоял, представлялись мне проблемами столь коренной важности, что мне почти каждый год по нескольку раз представлялось, что мыслящие люди, которых я знакомил с этими проблемами, должны были бы из-за них отложить в сторону свою собственную работу и всецело посвятить себя моим задачам. То, что каждый раз

в результате получалось, представляло такую комическую и жуткую противоположность тому, чего я ожидал, что я, старый знаток людей, стал стыдиться самого себя и был принужден снова и снова усваивать себе ту элементарную истину, что люди придают своим привычкам в сто тысяч раз больше важности, чем даже своим выгодам…»

Все дельные люди, былые его друзья и знакомые, казались погруженными в свои собственные работы; даже Петер Гаст, единственный помогавший ему друг, ставил все же главной задачей своей жизни и деятельности, согласно желаниям самого моего брата, занятие музыкой. А полезны могли быть ему только наиболее способные из сотрудников. Тогда его охватила мучительная уверенность, что он никогда не найдет себе сотоварища для труднейших своих работ, что ему придется все, все делать одному и в абсолютном одиночестве совершать своей трудный путь.

Летом 1886 года, во время чтения корректур «По ту сторону…», которым брат занимался в Сильс-Марии, он пользовался каждым свободным часом для разборки накопившегося материала для предполагавшихся четырех томов его главного сочинения. Он свел воедино весь план своей колоссальной работы и наметил ход мыслей, охватывавший все произведение и в существенных своих чертах, за малыми изменениями, сохраненный им до конца. (Содержание третьей книги вошло впоследствии в четвертую, и вставлена была совершенно новая третья книга.)

План, относящийся к лету 1886 года, гласит следующее:

«Воля к власти»
Опыт переоценки всех ценностей

В четырех книгах

Книга первая: наивысшая опасность (изображение нигилизма как *неизбежного следствия прежних оценок*). Огромные силы освобождены от оков, но они находятся в противоречии друг к другу; *раскованные* силы взаимно *уничтожают* себя. В демократическом строе общества, где всякий – специалист, нет места для «зачем?», «для кого?». Нет *сословия,* в существовании которого многообразные формы страдания и гибели всех отдельных (обращение их жизни в некоторую функцию) находили бы свой *смысл.*

Вторая книга: критика ценностей (логика и т. д.). Везде выставить на вид дисгармонию между идеалом и отдельными его условиями (например, честность у христиан, постоянно принужденных прибегать ко лжи).

Третья книга: проблема законодателя (в ней история одиночества). Раскованные силы надо вновь связать, дабы они не уничтожали друг друга; открыть глаза на действительное *умножение* силы!

Четвертая книга: молот. Какие свойства должны иметь люди, устанавливающие обратные ценности? Люди, которые обладают *всеми* свойствами современной души, но в то же время и достаточно сильны для возвращения этим свойствам полного здоровья; их средства для достижения этой задачи.

Сильс-Мария, лето 1886 г.

Было бы совершенно ошибочно, если бы мы вздумали предположить, что автор «Воли к власти» хотел дать в этом произведении свою систему. Мы знаем, как мало доверял он всяким системам и как всегда считал он печальным признаком для философа, когда тот замора-

живал свои мысли в систему. «Систематик – это такой философ, – восклицает он, – который не хочет больше признавать, что дух его *живет,* что он, подобно дереву, мощно стремится вширь и ненасытно захватывает все окружающее, – философ, который решительно не знает покоя, пока не выкроит из своего духа нечто безжизненное, нечто деревянное, четырехугольную глупость, систему».

Бесспорно, он желал изобразить в этом большом произведении свою философию, свое мировоззрение, но во всяком случае не как *догму,* но как предварительный регулятив для дальнейших исследований.

Осенью 1886 года брату пришлось прервать на несколько месяцев свою работу над «Волей к власти», так как он писал в это время предисловие для нового издания своих ранее появившихся сочинений, а также пятую книгу «Веселой науки», но в январе 1887 года все было готово к печати и отослано; он вернулся снова к работе над своим главным сочинением. Февраль 1887 года принес с собой страшное землетрясение в Ницце, которое он пережил с замечательным спокойствием и присутствием духа. Он пишет по этому поводу Гасту 24 февраля 1887 года: «Любезный друг, быть может, вас обеспокоили известия о нашем землетрясении; пишу вам два слова, чтобы сообщить по крайней мере, как дело обстоит относительно меня. Весь город переполнен людьми с потрясенными нервами, паника в отелях прямо невероятная. Этой ночью, около 2—3 часов, я сделал обход и навестил некоторых из своих добрых знакомых, которые на открытом воздухе, на скамейках или в пролетках, надеялись избегнуть опасности. Сам я чувствую себя хорошо: страха не было ни минуты, скорее очень много иронии!»

Ницца совершенно опустела после этого происшествия, что не помешало, однако, моему брату остаться там на все заранее намеченное им время, несмотря даже на повторение подземного удара. Его так мало затронули эти внешние обстоятельства, что он среди всех волнений, вызванных землетрясением в Ницце, невозмутимо продолжал комбинировать в своем уме основную свою работу, и притом по нижеследующему плану:

«Воля к власти»
Опыт переоценки всех ценностей

Первая книга
Европейский нигилизм
Вторая книга
Критика существующих высших ценностей
Третья книга
Принцип новой оценки
Четвертая книга
Воспитание и дисциплина

Набросано 17 марта 1887, Ницца

Этот план, который по своему общему распорядку почти тождествен с вышеприведенным планом, относящимся к лету 1886-го, оставался в силе до конца зимы 1888 года. В заключительных замечаниях мы еще подробнее скажем о позднейших планах и отдельных фазах возникновения «Воли к власти».

Мы со своей стороны были принуждены положить в основу настоящего издания план от 17 марта 1887 года, ибо он был единственным, дававшим довольно ясные указания относительно конструкции произведения. Кроме того, широкие общие точки зрения, намеченные в рубриках плана, оставляют огромный простор для размещения, сообразно его смыслу, богатого материала, имеющегося в наличии и относящегося к этому и другим планам. Этот

план оказался особенно удобным для настоящего нового издания, благодаря чему многие главы связаны друг с другом совершенно последовательным ходом мыслей. Но естественно, что и теперь еще есть много пробелов, так что вдумчивый читатель сам принужден приложить руку к делу, чтобы достигнуть общего взгляда на целое.

Предлагаемое произведение представляет в настоящем своем виде немаловажное преимущество: оно дает возможность в значительно большей степени, чем первое издание, заглянуть в духовную лабораторию автора.

Мы как бы видим перед своими глазами возникновение мыслей и можем одновременно наблюдать, как беспристрастно мой брат проверяет свои собственные мысли, не пытаясь никогда скрывать от себя возможные слабые и недоказуемые стороны поставленных им проблем. Обстоятельность, с которой они кое-где трактованы, автор в законченном произведении, быть может, устранил бы (хотя этого нельзя утверждать с уверенностью), для нас же она является большим преимуществом, так как дает нам возможность лучше проникнуть в ход его мыслей. Как много недоразумений может вызывать краткость изложения его мыслей, тому поучительным примером может служить «Падение кумиров».

Автор прямо называет «Падение кумиров» извлечением из «Воли к власти»; но как ошибочно была понята эта маленькая книжка именно ввиду ее краткости. Читатели, по-видимому, предположили, что эти основополагающие новые мысли представляют собою просто беглые наброски; никто, по-видимому, и не подозревал, на какие широкие предварительные исследования они опирались. Будем надеяться, что настоящее новое издание «Воли к власти» даст об этом лучшее представление.

Число афоризмов в этом новом издании увеличено. При этом, конечно, попадаются повторения, но каждый раз с другим оттенком и в другой связи, что необыкновенно способствует уяснению мысли. Многим импровизациям и некоторым, так сказать, пробным постановкам вопросов и проблем вдумчивый читатель сумеет сам дать надлежащее толкование и сам попытается установить то или другое решение задачи. «Но прежде всего, – как говорит Петер Гаст, – он будет восхищен неисчерпаемостью ницшевского гения в обработке намеченных тем: как он все снова и снова кружит вокруг них, находя в них все более неожиданные стороны, и при этом умеет выразить их в словах, передающих их внутреннее существо».

Грандиозный труд, представший перед очами автора, остался неоконченным. Нам, издателям ницшевского архива, выпало на долю, по мере слабых наших сил, добросовестно собрать в одно целое, руководствуясь дошедшими до нас указаниями автора, драгоценные камни, заготовленные для стройки. Этого не удалось сделать тотчас при первом же издании в удобной для обозрения целого форме, и тяжело было тогда, вспоминая намерения автора, выпускать в свет этот труд в таком несовершенном виде. Быть может, это новое, значительно дополненное издание вышло немного удачнее; но если представить себе, как собственная рука мастера разработала бы этот огромный материал, с той же логической последовательностью, как, например, в «Генеалогии морали», пронизав его блеском своего несравненного стиля, – какое произведение мы бы имели теперь пред собою! И что еще более углубляет нашу печаль, это то, что мы из его личных набросков знаем, как он представлял себе выполнение своего главного философско-теоретического труда:

«*К введению:* мрачная уединенность и пустынность Campagna romana[3]. Терпение в неопределенном и неизвестном».

«Мое произведение должно содержать *общий приговор* над нашим столетием, над всей современностью, над *достигнутой* «цивилизацией».

[3] *Campagna romana* – Римская Кампанья (*лат.*).

«Каждая книга есть завоевание, хватка tempo lento[4], до самого конца драматическая поза, наконец, *катастрофа* и внезапное *искупление*».

Нельзя без чувства глубокого волнения читать приводимую ниже обстоятельную заметку, в которой автор сам устанавливает для себя ту руководящую нить, которой он предполагает держаться при выполнении своей основной работы. Он облекает эти предначертания пока в форму афоризма и дает им заголовок: «Совершенная книга». Но чем дальше он подвигается в этом изложении своих предначертаний, тем заметнее становится, что речь идет о его собственной книге, и именно о том главном его произведении, в котором он вознамерился изобразить во всей полноте свою философию. Он пишет осенью 1887 года:

«*Совершенная книга.* Иметь в виду:

1. Форма, стиль. *Идеальный монолог.* Все, имеющее «ученый» характер, скрыто в глубине. Все акценты глубокой страсти, заботы, а также слабостей, смягчений; *солнечные* места – короткое счастье, возвышенная веселость. Преодоление стремленья доказывать; абсолютно *лично.* Никакого «я». Род мемуаров; наиболее абстрактные вещи – в самой живой и жизненной, полной крови форме. Вся история – как *лично пережитая,* результат *личных страданий* (только так все будет *правдой*). Как бы беседа духов; вызов, заклинание мертвых. Возможно больше видимого, определенного, данного на примере; но остерегаться вопросов настоящего дня; избегать слов «аристократично», «благородно» и вообще всех слов, могущих вызвать предположение, что автор выводит на сцену самого себя. Не «описание»; все проблемы переведены на язык *чувства,* вплоть до страсти.

2. Коллекция *выразительных* слов. Предпочтение отдавать словам военным. Слова, *замещающие* философские термины: по возможности немецкие и отчеканенные в формулу. Изобразить все *состояния наиболее духовных людей* так, чтобы охватить их ряд во всем произведении (состояния законодателя, искусителя, человека, принужденного к жертвоприношению, колеблющегося; великой ответственности, страдания от непознаваемости, страдания от необходимости казаться не тем, что ты есть, страдания от необходимости причинять другому боль, сладострастие разрушения).

3. Построить все произведение с расчетом на конечную *катастрофу*…»

Я прибавлю еще несколько пояснений по поводу тем, трактуемых главным образом в первых двух книгах «Воли к власти»: нигилизма и морали. Известно, как неверно было понято отношение автора именно к этим двум материям. Быть может, именно слова «нигилизм», «имморализм», «неморальность» («нигилистично», «неморально») подали главным образом повод к недоразумению. Поэтому я еще раз хочу подчеркнуть, что *нигилизм* и *нигилистично* ничего не имеют общего с какой-либо политической партией, но обозначают то состояние, при котором отвергаются ценность и смысл жизни, а равным образом и всякие идеалы. Столь же мало общего имеют слова *имморализм, неморальность* с половой невоздержанностью и распущенностью, как то предположили пошлые, грубые и глупые люди, основываясь на том, что в обыденной жизни эти слова иногда употребляются в подобном смысле. Мой брат понимал под моралью «систему оценок, соприкасающуюся с нашими жизненными условиями». Против этой системы наших современных оценок, не находящих себе оправдания в данных физиологии и биологии, а потому противоречащих смыслу жизни, обращены его термины «имморалист» и «неморальность». Быть может, было бы лучше, если бы он в этих целях установил и употреблял слова «аморализм» и «аморально», ибо, несомненно, много недоразумений было бы тем предотвращено. В общем же мне хотелось бы еще подчеркнуть, что критику наших современных моральных ценностей может себе позволить только такой высоко стоящий философ, как Ницше, который всем своим жизненным

[4] Протяжно (*ит.,* муз. термин).

поведением столь ясно доказал, что он не только совершеннейшим образом осуществляет эти ценности, но стоит выше их, почему и имеет право поставить себе еще более высокую цель и еще более высокие требования. Подобные цели и проблемы – удел весьма немногих; во всяком случае, для этого надо иметь, как он сам пишет, «чистые руки, а не грязные лапы».

Но прежде всего я должна еще раз обратить внимание на то, что его философия имеет в виду распорядок рангов, а *не* индивидуалистическую мораль: «стадное понимание пусть и царит в стаде, но не переходит за пределы его». Но он не только говорит, что мы должны быть глубоко благодарны морали за то, что она совершила в течение тысячелетий, но он требует и безусловного признания святости бывшей до сего времени в ходу морали. Тот, кто желает стать выше ее, должен за то нести и страшную ответственность и доказать свое право на это незаурядными поступками. Петер Гаст пишет об этом: «Ницше проповедует *только* исключительным людям и *предкам* будущих исключительных людей. До народа ему нет дела; для народа тысячи «мыслителей» вдосталь излагали свои мысли, а для более редких почти никто. Правда, что косвенным путем, через посредство таких исключительных людей, дух Ницше проникнет и в массы и очистит когда-нибудь воздух от всего изнеживающего, ослабляющего, порочного нашей культуры. Ницше – нравственная сила первого ранга! Нравственнее, чем все, что ныне называет себя нравственным!»

Быть может, также слова «стадо», «стадное животное», «стадная мораль» могли вызвать неприятное впечатление; мой брат сам воспользовался случаем сказать по этому поводу кое-что в свое оправдание: «Я сделал открытие, но это открытие не из приятных: оно унизительно для нашей гордости. Как бы мы ни считали себя свободными, мы – свободные духом, ибо мы говорим здесь «между нами», но в нас также живет чувство, которое все еще оскорбляется, когда кто-нибудь причисляет человека к животным; поэтому с моей стороны представляется тяжким проступком и нуждается в оправдании, что я постоянно бываю принужден говорить о нас в терминах «стадо» и «стадные инстинкты». Правда, он не считает нужным давать объяснения, почему он выбрал именно эти термины и так обильно пользуется ими; я думаю, только потому, что сам он (хотя он шутливо и утверждает противное) не находил в этих словах ничего обидного: ведь выросли мы в религиозном кругу, а в этом кругу «стадо» и «пастух» употребляются без всякого связанного с ними унизительного смысла.

Да и вообще, некоторые его выражения, которым он часто придавал совершенно новый смысл, неоднократно вызывали недоразумения, как, например, «злоба» и «злой». В обоих этих словах прежде слышался оттенок чего-то «коварного» и «дурного», между тем как он понимал под этим нечто жесткое, строгое и вместе с тем заносчивое, но во всяком случае также и некоторый повышенный строй души. Поэтому он и пишет Брандесу: «Многие слова у меня пропитались совсем другими солями и для моего языка имеют совсем другой вкус, чем для моих читателей».

О личном отношении моего брата к христианству я буду иметь случай дать кое-какие объяснения в введении к десятому тому, где будет помещен «Антихрист».

К сожалению, условия места принудили нас разделить «Волю к власти» на две части, и притом не особенно удачно, так как меньшая часть третьей книги перешла при этом в десятый том. Но тома девятый и десятый так тесно связаны между собой по своему содержанию, что должны быть непременно прочитаны один за другим; поэтому в конце концов безразлично, на каком делении остановиться.

Елизавета Ферстер-Ницше
Веймар, август 1906 г.

Предисловие

1

Великие предметы требуют, чтобы о них молчали или говорили величественно: величественно, то есть цинично и с непорочностью.

2

То, о чем я повествую, это история ближайших двух столетий. Я описываю то, что надвигается, что теперь уже не может прийти в ином виде: *появление нигилизма.* Эту историю можно уже теперь рассказать, ибо сама необходимость приложила здесь свою руку к делу. Это будущее говорит уже в сотне признаков, эта судьба повсюду возвещает о себе, к этой музыке будущего уже чутко прислушиваются все уши. Вся наша европейская культура уже с давних пор движется в какой-то пытке напряжения, растущей из столетия в столетие, и как бы направляется к катастрофе: беспокойно, насильственно, порывисто; подобно потоку, стремящемуся к своему *исходу,* не задумываясь, боясь задуматься.

3

Говорящий здесь, наоборот, только и занят был до сих пор тем, что *задумывался:* как философ и отшельник по инстинкту, находивший свою выгоду в том, чтобы жить в стороне, вне движения, терпеть, не торопиться, оставаться позади; как смелый и испытующий дух, уже блуждавший когда-то по каждому из лабиринтов будущего; как дух вещей птицы, *обращающий назад свои взоры,* когда он повествует о грядущем; как первый совершенный нигилист Европы, но уже переживший в себе до конца этот самый нигилизм, имеющий этот нигилизм за собой, под собой, вне себя.

4

Ибо пусть не ошибаются относительно смысла заглавия, приданного этому евангелию будущего. «Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей». В этой формуле выражено некоторое *противоборствующее движение* по отношению к принципу и задаче, движение, которое когда-нибудь в будущем сменит вышесказанный совершенный нигилизм, но для которого он является *предпосылкой* логической и психологической, которое может возникнуть исключительно *после него и из него.* Ибо почему появление нигилизма в данное время *необходимо?* Потому, что все наши бывшие до сих пор в ходу ценности сами находят в нем свой последний вывод; потому, что нигилизм есть до конца продуманная логика наших великих ценностей и идеалов; потому, что нам нужно сначала пережить нигилизм, чтобы убедиться в том, какова в сущности была *ценность* этих «ценностей»… Нам нужно когда-нибудь найти *новые ценности*…

Книга первая
Европейский нигилизм

К плану

1. Нигилизм стоит за дверями: откуда идет к нам этот самый жуткий из всех гостей? Исходная точка: *заблуждение – указывать на «бедственное состояние общества», или «физиологическое вырождение», или, пожалуй, еще на испорченность как на причины* нигилизма. Это – наичестнейшая и сострадательнейшая эпоха. Нужда, душевная, телесная, интеллектуальная нужда сама по себе решительно не способна породить нигилизм (то есть радикальное отклонение ценности, смысла, желательности). Эти нужды допускают все еще самые разнообразные истолкования. Напротив, *в одном вполне определенном толковании,* христиански-моральном, заложен корень нигилизма.

2. Гибель христианства – от его морали (она неотделима); эта *мораль* обращается против христианского Бога (чувство правдивости, высоко развитое христианством, начинает испытывать *отвращение* к фальши и изолганности всех христианских толкований мира и истории. Резкий поворот назад от «Бог есть истина» к фанатической вере «Все ложно». Буддизм *дела…*).

3. Скепсис по отношению к морали является решающим. Падение *морального* мироистолкования, не находящего себе более *санкции,* после того как им была сделана попытка найти убежище в некоторой потусторонности: в последнем счете – нигилизм. «Все лишено смысла» (невозможность провести до конца толкование мира, на которое была потрачена огромная сила, вызывает сомнение, не ложны ли *все* вообще истолкования мира). Буддистская черта, стремление в Ничто. (Индийский буддизм *не* имеет за собой коренного морального развития, поэтому в его нигилизме является только непреодоленная мораль: бытие как наказание, комбинированное с бытием как заблуждением, следовательно, заблуждение как наказание – моральная оценка). Философские попытки преодолеть «морального Бога» (Гегель, пантеизм). Преодоление народных идеалов: мудрец, святой, поэт. Антагонизм «истинного», «прекрасного» и «доброго».

4. Против «бессмысленности», с одной стороны, против моральных оценок, с другой стороны: в какой мере вся наука и философия были до сих пор под властью моральных суждений? И не получается ли тут в придачу вражда со стороны науки или антинаучности? Критика спинозизма. В социалистических и позитивистских системах везде задержавшиеся христианские оценки. Недостает *критики христианской морали.*

5. Нигилистические следствия современного естествознания (рядом с попытками бегства в потустороннее). Как *следствие* занятия им – в конце концов саморазложение; поворот против *себя,* антинаучность. С Коперника человек катится от центра в *х.*

6. Нигилистические следствия политического и экономического образа мыслей, где все «принципы» прямо могут быть отнесены к актерству: веяние посредственности, ничтожества, неискренности и т. д. Национализм. Анархизм и т. д. Наказание. Недостает *искупляющего* сословия и человека, оправдывателей.

7. Нигилистические выводы «истории» и «*практических* историков», то есть романтиков. Положение искусства: абсолютная неоригинальность его положения в современном мире. Его помрачение. Так называемое олимпийство Гёте.

8. Искусство и приуготовление нигилизма: романтика (вагнеровское заключение «Нибелунгов»[5]).

I. Нигилизм

1. Нигилизм как следствие бывшего до сих пор в ходу толкования ценности бытия

2

Что обозначает нигилизм? – *То, что высшие ценности теряют свою ценность*. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем?».

3

Радикальный нигилизм есть убеждение в абсолютной несостоятельности мира по отношению к высшим из признаваемых ценностей; к этому присоединяется *сознание,* что мы не имеем ни малейшего права признать какую-либо потусторонность или существование вещей в себе, которое было бы «божественным», воплощенной моралью.

Это сознание есть следствие возвращенной «правдивости»; следовательно, само оно – результат веры в мораль.

4

Какие *преимущества* представляла христианская моральная гипотеза?

1) Она придавала человеку абсолютную *ценность* в противоположность его малости и случайности в потоке становления и исчезновения;

2) она служила адвокатам Бога, оставляя за миром, несмотря на страдание и зло, характер *совершенства,* включая сюда и «свободу»: зло являлось полным *смысла;*

3) она полагала в человеке *знание* абсолютных ценностей и тем давала ему именно для важнейшего *адекватное* познание;

4) она охраняла человека от презрения к себе как к человеку, от восстания с его стороны на жизнь, от отчаяния в познании: она была *средством сохранения.*

In summa[6]: мораль была великим *средством для противодействия* практическому и теоретическому *нигилизму.*

5

Но среди тех сил, которые взрастила мораль, была *правдивость: эта последняя* в конце концов обращается против морали, открывает ее *телеологию,* ее *корыстное* рассмотрение вещей, и теперь *постижение* этой издавна вошедшей в плоть и кровь изолганности, от которой уже отчаивались отделаться, действует прямо как стимул. Мы констатируем теперь в себе потребности, насажденные долгой моральной интерпретацией, потребности, представляющиеся нам теперь потребностью в неправде; с другой стороны, это те самые потребности, с которыми, по-видимому, связана ценность, ради которой мы выносим жизнь. Этот

[5] Имеется в виду знаменитая тетралогия Вагнера «Кольцо Нибелунга».

[6] В сумме, в итоге *(лат.).*

антагонизм – *не* ценить того, что мы познаем, и не быть более *вправе* ценить ту ложь, в которой мы хотели бы себя уверить, – вызывает процесс разложения.

6

Антиномия вот в чем: поскольку мы верим в мораль, мы *осуждаем* бытие.

7

Высшие ценности, в служении которым *должна была бы* состоять жизнь человека, в особенности тогда, когда они предъявляют к нему самые тяжелые и дорого обходящиеся требования, эти *социальные ценности* – дабы *усилить* их значение как неких велений Божьих – были воздвигнуты над человеком как «реальность», как «истинный» мир, как надежда и *грядущий* мир. Теперь, когда выясняется низменный источник этих ценностей, тем самым и вселенная представляется нам обесцененной, «бессмысленной»… но это только *переходное состояние.*

8

Нигилистический вывод (вера в отсутствие ценностей) как следствие моральной оценки: *эгоистическое ненавистно нам* (даже при сознании невозможности неэгоистического); *необходимость нам ненавистна* (даже при сознании невозможности liberum arbitrium'a[7] и «умопостигаемой свободы»). Мы видим, что не достигаем той сферы, в которую мы вложили свои ценности, но тем самым та другая сфера, в которой мы живем, *еще нимало не* выиграла в ценности: напротив того, мы *устали,* ибо потеряли главное наше побуждение. «Доселе напрасно!»

9

Пессимизм как форма, предшествующая нигилизму.

10

А. Пессимизм как сила – *в чем?* В энергии его логики, как анархизм и нигилизм, как аналитика.

В. Пессимизм как упадок – *в чем?* Как изнеженность, как космополитическая сочувственность, как «tout comprendre»[8] и историзм.

Критическая напряженность: крайности выступают вперед и получают перевес.

11

Логика пессимизма – что влечет ее к крайнему нигилизму? Понятия *отсутствия ценности, отсутствия смысла,* поскольку моральные оценки скрываются за всеми другими высокими ценностями.

Результат: *моральные оценки суть обвинительные приговоры, отрицания, мораль есть отвращение от воли к бытию…*

12

Падение космологических ценностей.

---

[7] Свободы выбора, свободы воли *(лат.).*

[8] Все понять, всепонимание *(фр.).*

А.

Нигилизм как психологическое состояние должен будет наступить, *во-первых,* после поисков во всем совершающемся «смысла», которого в нем нет: ищущий в конце концов падает духом. Нигилизм является тогда осознанием долгого *расточения* сил, мукой «тщетности», неуверенностью, отсутствием возможности как-нибудь отдохнуть, на чем-нибудь еще успокоиться – стыдом перед самим собою, как будто самого себя слишком долго *обманывал*... Искомый смысл мог бы заключаться в следующем: «осуществление» некоего высшего нравственного канона во всем совершающемся, нравственный миропорядок; или рост любви и гармонии в отношениях живых существ; или приближение к состоянию всеобщего счастия; или хотя бы устремление к состоянию всеобщего «ничто» – цель сама по себе есть уже некоторый смысл. Общее всем этим родам представлений – предположение, что нечто должно быть *достигнуто* самим процессом: и вот наступает сознание, что становлением *ничего* не достигается, *ничего* не обретается… Следовательно, разочарование в кажущейся *цели становления* как причина нигилизма: разочарование по отношению к вполне определенной цели или вообще сознание несостоятельности всех доныне существующих гипотез цели, обнимающих собой весь путь «развития» (человек *более* не сотрудник и менее всего средоточие всякого становления).

Нигилизм как психологическое состояние наступает, *во-вторых,* тогда, когда во всем совершающемся и подо всем совершающимся предполагается некая *цельность, система,* даже *организация:* так что душа, жаждущая восхищения и благоговения, упивается общим представлением некоторой высшей формы власти и управления (если это душа логика, то достаточно уже абсолютной последовательности и реальной диалектики, чтобы примирить ее со всем…). Какое-либо единство, какая-либо форма «монизма»; и как последствие этой веры – человек, чувствующий себя в тесной связи и глубокой зависимости от некоего бесконечно превышающего его целого, как бы modus[9] божества… «Благо целого требует самопожертвования отдельного…» И вдруг – такого «целого» *нет*! В сущности, человек теряет веру в свою ценность, если через него не действует бесконечно ценное целое; иначе говоря, он создал такое целое, *чтобы иметь возможность веровать в свою собственную ценность.*

Нигилизм как психологическое состояние имеет еще *третью,* и *последнюю,* форму. Если принять те два *положения,* что путем становления ничего не достигается, что подо всем становлением нет такого великого единства, в котором индивид мог бы окончательно потонуть как в стихии высшей ценности, то единственным *исходом* остается возможность осудить весь этот мир становления как марево и измыслить в качестве *истинного* мира новый мир, потусторонний нашему. Но как только человек распознает, что этот новый мир создан им только из психологических потребностей и что он на это не имел решительно никакого права, возникает последняя форма нигилизма, заключающая в себе *неверие в метафизический мир,* запрещающая себе веру в *истинный* мир. С этой точки зрения реальность становления признается *единственной* реальностью и воспрещаются всякого рода окольные пути к скрытым мирам и ложным божествам; но с другой стороны, *этот мир, отрицать который уже более не хотят, становится невыносимым*...

Что же в сущности произошло? Сознание отсутствия всякой *ценности* было достигнуто, когда стало ясно, что ни понятием *«цели»,* ни понятием *«единства»,* ни понятием *«истины»* не может быть истолкован общий характер бытия. Ничего этим не достигается и не приобретается; недостает всеобъемлющего единства во множестве совершающегося: характер бытия не «истинен», а *ложен*... в конце концов, нет более основания убеждать себя в бытии *истинного* мира… Коротко говоря, категории «цели», «единства», «бытия», посред-

[9] Образа, вида *(лат.).*

ством которых мы сообщили миру ценность, снова *изъемлются* нами – и мир кажется *обесцененным*…

В.

Положим, мы осознали, в какой мере нельзя более *истолковывать* мир посредством этих *трех* категорий и что вслед за этим признанием мир начинает утрачивать для нас свою ценность, в таком случае мы должны спросить себя, *откуда* берет начало наша вера в эти три категории: попытаемся, нельзя ли отказать и им в нашем доверии! Если нам удастся *обесценить* эти три категории, то доказанная неприложимость их к целому перестанет быть основанием к тому, чтобы *обесценивать это целое.*

Результат: *вера в категории разума* есть причина нигилизма, мы измеряли ценность мира категориями, которые *относятся к чисто вымышленному* миру.

Конечный результат: все ценности, посредством которых мы доныне сперва пытались сообщить миру ценность, а затем ввиду их неприменимости к нему *обесценивали* его – все эти ценности, рассматриваемые психологически, суть результаты определенных утилитарных перспектив, имеющих в виду поддержание и усиление идеи человеческой власти, и только ложно *проецированы* нами в существо вещей. Это все та же *гиперболическая наивность* человека – полагать себя смыслом и мерой ценности вещей…

13

Нигилизм представляет собой патологическое *промежуточное состояние* (патологична огромность обобщения, заключение к *полному отсутствию смысла*): в данном случае либо продуктивные силы не имеют еще надлежащей мощи, либо декаданс еще медлит и его вспомогательные средства еще не изобретены им.

Предпосылка этой гипотезы: нет *никакой истины;* нет абсолютных свойств вещей, нет «вещи в себе». *Это само по себе только нигилизм, и притом крайний.* Он видит *ценность* вещей именно в том, что этим ценностям не соответствует и не соответствовало *никакой* реальности, но что они представляют лишь симптом силы на стороне *устанавливающих ценности,* упрощения в *целях жизни.*

14

Ценности и их изменения стоят в связи с *возрастанием силы лица, устанавливающего ценности.*

Степень *неверия* и допускаемой «свободы духа» как *мерило возрастания силы.*

«Нигилизм» как идеал *высшего могущества* ума, избытка жизни, частью разрушительный, частью иронический.

15

Что есть *верование*? Как возникает оно? Всякое верование есть *признание чего-либо за истинное.*

Крайней формой нигилизма был бы тот взгляд, что *всякое* верование, всякое признание чего-либо за истинное неизбежно ложно, ибо вовсе не существует *истинного мира.* Следовательно, это иллюзия перспективы, источник которой заключен в нас самих (поскольку мы постоянно *нуждаемся* в более узком, сокращенном, упрощенном мире). А затем, *что мерилом наших сил* служит то, в какой мере можем мы, не погибая от этого, признать эту *иллюзорность* и эту необходимость лжи.

Такой нигилизм, как *отрицание* истинного мира, бытия, мог бы быть *божественным образом мысли.*

16

Если мы и «разочарованные», то не по отношению к жизни, у нас лишь открылись глаза на «желательность» всех видов. С насмешливой злобой смотрим мы на то, что называется «идеалами»; мы презираем себя лишь за то, что не всегда можем подавить в себе то нелепое движение чувства, которое называется идеализмом. *Дурная привычка* сильнее, нежели гнев *разочаровавшегося.*

17

В какой мере нигилизм Шопенгауэра все еще является следствием того же идеала, который создал христианский теизм. Степень уверенности по отношению к высшим объектам желаний, высшим ценностям, высшему совершенству была так велика, что философы *исходили* из нее a priori[10], как из *абсолютной уверенности:* «Бог» – на вершине как *данная* истина. «Уподобиться Богу», «слиться с Богом» – в продолжение тысячелетий это были самые наивные и убедительнейшие объекты желаний (но то, что убеждает, тем самым еще не становится истинным: оно только *убедительно.* Примечание для ослов).

Мы разучились признавать за этим строем идеалов также и *реальность лица:* мы стали атеистами. Но разве мы отреклись от самого идеала? Последние метафизики, по существу дела, все еще именно в нем ищут истинную реальность, «вещь в себе», по отношению к которой все остальное имеет лишь кажущееся существование. Но догматом их осталось то положение, что ввиду явного *несоответствия* нашего мира явлений сказанному идеалу мир этот не есть «истинный» и даже в основе своей не восходит к тому метафизическому миру как к своей причине. Безусловное, поскольку оно есть высшее совершенство, не может служить основой для всего условного. Шопенгауэру, который стремился доказать обратное, нужно было мыслить эту метафизическую основу как нечто противоположное идеалу, как «злую, слепую волю»; как таковая, она могла затем стать тем «являющимся», которое открывается в мире явлений. Но и этим путем он еще не отрекался от абсолютности идеала, он только нашел лазейку…

(Канту казалась необходимой гипотеза «умопостигаемой свободы», чтобы снять с ens perfectum[11] ответственность за данный характер *этого* мира, одним словом, чтобы объяснить зло и грех: логика скандальная – для философа…)

18

Самый общий признак современной эпохи: невероятная убыль *достоинства* человека в его собственных глазах.

Долгое время он вообще средоточие и трагический герой бытия; затем он озабочен по меньшей мере тем, чтоб установить свое родство с решающей и ценной в себе стороной бытия; так поступают все метафизики, желающие удержать *достоинство человека* верою в то, что моральные ценности суть кардинальные ценности. Кто расстается с Богом, тот тем крепче держится за веру в мораль.

19

Всякая исключительно *моральная* система ценностей (например, буддийская) *приводит к нигилизму,* это грозит Европе! Думают обойтись одним морализмом, без религиозной

[10] Независимо от опыта, до опыта *(лат.).*

[11] *Ens perfectum (лат.)* – «сущее совершенно», важнейший постулат Канта о совершенстве существующего мира.

основы; но это неизбежный путь к нигилизму. В религии отсутствует необходимость смотреть на нас *самих* как на творцов ценностей.

20

Вопрос нигилизма *«зачем?»* ведет происхождение от нашей давней привычки, в силу которой цель казалась установленной, данной *извне* как требование именно неким *сверхчеловеческим авторитетом.* После того как мы разучились верить в этот авторитет, мы все еще по старой привычке ищем *иного* авторитета, который *мог бы говорить с безусловностью и мог бы предписывать нам задачи и цели.* Авторитет *совести* выступает теперь на первый план (чем *мораль* свободнее от богословия, тем она становится повелительнее) как возмещение утраты *личного* авторитета. Или же авторитет *разума.* Или *общественный инстинкт* (стадо). Или, наконец, *«история»* с неким имманентным духом, история, имеющая цель в себе и которой можно *свободно отдаться.* Мы хотели бы *избегнуть* необходимости *воли, воления* цели, риска *самим* ставить себе цель, хотели бы сложить с себя ответственность (мы приняли бы *фатализм*). В конце концов, *счастье* и, с некоторой долей тартюфства, *счастье большинства.*

Мы говорим себе:

1) определенная цель вовсе не нужна,

2) предусмотреть ее невозможно.

Как раз теперь, когда нужна *воля в высшей мере ее силы,* она всего *слабее* и *малодушнее. Абсолютное недоверие к организующей способности воли для целого.*

21

Совершенный нигилист. Глаз нигилиста *идеализирует в сторону безобразия,* творит предательство по отношению к собственным воспоминаниям: он пренебрегает ими, дает им поникнуть, осыпаться, он не ограждает их от той мертвенно-бледной окраски, которую бессилие разливает на все далекое и прошедшее. И то, чего он не делает по отношению к себе самому, не делает он и по отношению к прошлому всего человечества: он пренебрегает им.

22

Нигилизм. Он может иметь двоякое значение:

А. Нигилизм как знак *повышенной мощи духа: активный* нигилизм.

В. Нигилизм как *падение* и *регресс мощи духа: пассивный* нигилизм.

23

Нигилизм – естественное состояние.

Он может быть показателем *силы:* мощь духа может так возрасти, что ныне существующие цели («убеждения», символы веры) перестанут соответствовать ей (верование в общем именно и выражает собой принудительность некоторых *условий существования,* подчинение авторитету таких условий, при которых человеческое существо *благоденствует, растет, приобретает власть…*); с другой стороны, нигилизм – показатель *недостатка* силы, способности вновь творчески *поставить* себе некую цель, некое «зачем», новую веру.

Максимума относительной силы он достигает как насилие, направленное на *разрушение,* – как *активный нигилизм.*

Противоположностью его был бы *усталый* нигилизм, утративший *поступательность;* его знаменитейшая форма – буддизм как пассивный нигилизм, как знамение слабости: сила духа может быть так утомлена, *истощена,* что все *дотоле существовавшие* цели и ценно-

сти более не соответствуют ей и уже не вызывают веры к себе, что синтез ценностей и целей (на котором покоится всякая мощная культура) распадается и отдельные ценности восстают одна на другую *(разложение),* что только все утешающее, целящее, успокаивающее, заглушающее выступает на передний план под разнообразными *масками:* религиозной, или моральной, или политической, или эстетической и т. д.

24

Нигилизм есть не только размышление над «тщетностью» и не только вера в то, что все достойно гибели, он сам помогает делу, *сам губит*. Это, пожалуй, *нелогично,* но нигилист не верит в необходимость быть логичным… Это состояние сильных умов и воль; таковым же невозможно остановиться на «нет» как на отвлеченном приговоре, *«нет» как деяние* вытекает из их природы. То, что приговором объявляется не имеющим права на существование, вслед за тем действием приводится к несуществованию.

25

К генезису нигилиста: лишь поздно является мужество признать то, что, собственно говоря, уже *знаешь*. Только недавно признался я себе в том, что я до сих пор был в корне нигилистом: та энергия и беззаботность, с которой я успешно подвигался в своем нигилизме, заслоняла мне этот основной факт. Когда идешь к какой-нибудь цели, то кажется невозможным, чтобы «бесцельность как таковая» была твоим основным догматом.

26

Пессимизм людей энергии: «зачем?», являющееся после страшной борьбы, даже победы. Есть нечто в тысячу раз *более важное,* чем вопрос о том, хорошо ли *нам* или плохо, – таков основной инстинкт всех сильных натур, а отсюда и отношение к вопросу о том, хорошо ли или плохо *другим.* Одним словом, возможна некая цель, ради которой без колебания приносят *человеческие жертвы,* идут на все опасности, берут на себя все дурное, даже худшее, – *великая страсть*.

2. Дальнейшие причины нигилизма

27

Причины нигилизма: 1) *нет высшего вида человека,* то есть того, неисчерпаемая плодотворность и мощь которого поддерживала в человечестве веру в человека. (Достаточно припомнить, чем мы обязаны Наполеону: почти всеми высшими надеждами этого столетия.)

2) *Низший вид* («стадо», «масса», «общество») разучился быть скромным и раздувает свои потребности до размеров *космических* и *метафизических* ценностей. Этим вся жизнь *вульгаризируется:* поскольку властвует именно масса, она тиранизирует *исключения,* так что эти последние теряют веру в себя и становятся *нигилистами.*

Все попытки *измыслить более высокие типы* потерпели неудачу («романтика»; художник, философ; и это несмотря на попытки Карлейля[12] придать им высшие моральные ценности).

Противоборство высшим типам как результат.

[12] *Карлейль Томас* (1795—1881) – британский писатель, историк и философ.

Падение и ненадежность всех высших типов. Борьба против гения («народная поэзия» и т. д.). Сострадание к низшим и страждущим как *масштаб величия души.*

Нет философа, толкователя дела, *не только* излагателя его в другой форме.

28

Неполный нигилизм, его формы: мы живем среди них.

Попытки избегнуть нигилизма, не переоценивая бывших до сего времени в ходу ценностей; они приводят к обратному результату, обостряют проблему.

29

Способы одурманивать себя. В глубине сердца не знать, где исход? *Пустота.* Попытка преодолеть это состояние опьянением: опьянение как музыка, опьянение как жестокость в трагическом самоуслаждении гибелью благороднейшего, опьянение как слепое и мечтательное увлечение отдельными *личностями* и *эпохами* (как ненависть и т. д.). Попытка работать, не задумываясь, как орудие науки; уметь находить себе ряд маленьких наслаждений, между прочим и в деле познания (скромность по отношению к самому себе); отказ от обобщений, относящихся к самому себе, возвышающийся до некоторого пафоса; мистика, сладострастное *наслаждение* вечной пустотой; искусство «ради него самого» («le fait»[13]), «чистое познание» как наркотики против отвращения к самому себе; *кое-какая* постоянная работа, *какой-нибудь* маленький глупый фанатизм; все средства вперемежку, болезнь, вызванная общей неумеренностью (распутство убивает удовольствие).

1. Слабость воли как результат.

2. Крайняя гордость и унижение от сознания своих мелких слабостей, *ощущаемые* благодаря контрасту.

30

Близится время, когда нам придется *расплатиться* за то, что целых два тысячелетия мы были *христианами:* мы потеряли *устойчивость,* которая давала нам возможность жить, мы некоторое время не в силах сообразить, куда нам направиться. Мы стремглав бросаемся *в самые противоположные* оценки с той степенью энергии, какую всегда возбуждала в человеке такая крайняя *переоценка* человека.

Теперь все насквозь лживо, все – «слово», все спутанно, или слабо, или чрезмерно:

a) делается попытка некоторого рода *земного решения вопроса,* но в том же смысле – в смысле *конечного торжества* истины, любви, справедливости (социализм: «равенство личности»);

b) равным образом делается попытка удержать *моральный идеал* (с предоставлением первого места неэгоистическому, самоотречению, отказу от воли);

c) делается даже попытка удержать «потустороннее», хотя бы только как антилогический *x;* но оно немедленно же истолковывается так, чтобы из него могло быть извлечено некоторого рода метафизическое утешение в старом стиле;

d) пытаются вывести из совершающегося наличность *божественного водительства в старом стиле,* награждающего, карающего, воспитывающего, ведущего *к лучшему* порядку вещей;

[13] «Факт» *(фр.).*

e) как и прежде, верят в добро и зло, так что победа добра и уничтожение зла воспринимаются как *задача* (это характерно для англичан: типичный случай – плоский ум Джона Стюарта Милля[14]);

f) презрение к «естественности», к вожделению, к ego; попытка понять даже высшую духовность и искусство как следствие отречения от своей личности и как désintéressement;[15]

g) *Церкви* предоставляется право все еще вторгаться во все существенные переживания и главные моменты в жизни отдельного лица, чтобы дать им *освящение, высший смысл:* мы все еще имеем «христианское государство», «христианский брак».

31

Бывали более мыслящие и более растворенные мыслью времена, чем наше: как, например, то время, когда выступил Будда; тогда сам народ, после столетий старых споров между сектами, в конце концов столь же глубоко заблудился в ущельях философских мнений и учений, как некогда европейские народы в тонкостях религиозной догмы. «Литература» и пресса всего менее могут соблазнить нас быть высокого мнения о «духе» нашего времени: миллионы спиритов и христианство с гимнастическими упражнениями, ужасающими по своему безобразию, характерному для всех английских изобретений, дают нам лучшие точки зрения.

Европейский *пессимизм* еще только при своем начале – свидетельство против него самого: в нем еще нет той необычайной, исполненной тоски и стремления неподвижности взора, отражающего Ничто, которые он имел когда-то в Индии; в нем еще слишком много «деланного», а не «соделавшегося», слишком много пессимизма ученых и поэтов; мне кажется, что добрая часть в нем придумана и присочинена; «создана», но не есть *«первооснова».*

32

Критика бывшего до сих пор *пессимизма.* Отклонение эвдемонологических[16] точек зрения как окончательного сведения к вопросу: какой это имеет *смысл?* Редукция омрачения.

Наш пессимизм: мир не имеет всей *той* ценности, которую мы в нем полагали, сама наша вера так повысила наши стремления к познанию, что мы *не можем* теперь не высказать этого. Прежде всего, он является таким образом менее ценным – таким мы *ощущаем* его *ближайшим образом,* только в этом смысле мы пессимисты, то есть поскольку мы твердо решили без всяких уверток признаться себе в этой переоценке и перестать на старый лад успокаивать себя разными песнями и лгать себе всякую всячину.

Именно этим путем мы и обретаем тот пафос, который влечет нас на поиски *новых ценностей.* In summa: мир имеет, быть может, несравненно большую ценность, чем мы полагали, мы должны убедиться *в наивности наших идеалов* и открыть, что мы, быть может, в сознании, что даем миру наивысшее истолкование, не придали нашему человеческому существованию даже и умеренно соответствующей ему ценности.

Что было *обожествлено?* – Инстинкты ценности, господствовавшие в *общине* (то, что делало возможным ее дальнейшее существование).

Что было *оклеветано?* – То, что *обособляло* высших людей от низших, стремления, разверзающие пропасти.

---

[14] *Милль Джон Стюарт* (1806—1873) – английский философ, экономист, общественный деятель. Считал, что в основе нравственности должны лежать соображения пользы, которую может принести то или иное действие либо отказ от него.

[15] Бескорыстие *(фр.).*

[16] *Эвдемонологический* – эвдемонизм (восходящее к античности представление о счастье как результате сознательного отказа от погони за ним).

33

Причины *появления пессимизма:*

1) то, что самые могущественные и чреватые будущим инстинкты жизни до сих пор *были оклеветаны,* вследствие чего над жизнью нависло проклятие;

2) то, что возрастающая храбрость и все более смелое недоверие человека постигают *неотделимость этих инстинктов* от жизни и становятся лицом к лицу с жизнью;

3) то, что процветают только *посредственности,* вовсе не *сознающие* этого конфликта, что более одаренные, напротив, вырождаются и, как продукт вырождения, восстанавливают против себя, что, с другой стороны, посредственность, выставляя себя как цель и смысл жизни, *вызывает негодование* (что никто не может больше ответить на вопрос: *зачем?*);

4) то, что измельчание, чувствительность к страданию, беспокойство, торопливость, суета постоянно возрастают, что *представление себе* всей этой сутолоки, так называемой «цивилизации», становится все легче, что единичные личности пред лицом этой ужасающей машины *приходят в уныние и покоряются.*

34

Современный пессимизм есть выражение бесполезности *современного* мира, не мира и бытия вообще.

35

«Преобладание *страдания над удовольствием*» или обратное *(гедонизм):* оба эти учения уже сами по себе указуют путь к нигилизму…

Ибо здесь в обоих случаях не предполагается какого-либо иного последнего *смысла,* кроме явлений удовольствия или неудовольствия.

Но так говорит порода людей, уже не решающаяся более утверждать некую волю, намерение или *смысл:* для всякого более здорового рода людей вся ценность жизни не определяется одною лишь мерою этих второстепенных явлений. Возможен был бы *перевес* страдания и, *несмотря на это,* могучая воля, *утверждение* жизни, потребность в этом перевесе.

«Не стоит жить», «покорность», «какую цель имеют эти слезы?» – вот бессильный и сентиментальный образ мышления. «Un monstre gai vaut mieux qu'un sentimental ennuyeux».[17]

36

Нигилист-философ убежден, что все совершающееся бессмысленно и напрасно; между тем не до'лжно быть бессмысленному и напрасному бытию. Но откуда это «не до'лжно»? Откуда берутся *этот* «смысл», *эта* мера? В сущности, нигилист полагает, что лицезрение такого бесполезного, бесплодного бытия должно приводить философа в состояние *неудовлетворенности,* вызывать в нем чувство душевной пустоты и отчаяния. Такой вывод противоречит нашей утонченнейшей чувствительности как философов. Это сводится в конце концов к следующей нелепой оценке: характер бытия *должен доставлять удовольствие философу,* раз это бытие желает быть таковым по праву…

Однако легко понять, что в пределах совершающегося удовольствие и неудовольствие могут иметь лишь смысл *средств,* не говоря уже о том, что неизвестно еще, *можем ли* мы вообще усматривать «смысл», «цель» и не остается ли для нас неразрешимым вопрос о «бессмыслии» и о противоположности ему.

---

[17] «Лучше веселое чудовище, чем сентиментальный зануда» *(фр.).*

37

Развитие *пессимизма* в *нигилизм.* Извращение *ценностей.* Схоластика ценностей. Отрешенные, идеалистические ценности, вместо того чтобы господствовать над действиями и руководить ими, обращаются с осуждением *против* действия.

Противопоставления, занявшие место естественных ступеней и рангов. Ненависть к иерархизму. Противопоставления соответствуют эпохе господства черни, ибо они *общедоступней.*

Отвергнутый мир противопоставляется искусственно воздвигнутому «истинному, ценному». Наконец, делается открытие, из какого материала был построен «истинный мир», и нам остается один только «отвергнутый мир», и *это высшее разочарование обосновывает его негодность.*

Таким образом, налицо *нигилизм:* остались одни *осуждающие оценки,* и ничего больше!

Из этого вытекает *проблема силы и слабости:*

1) Слабые гибнут от этого.

2) Более сильные уничтожают то, что еще оставалось целым.

3) Сильнейшие преодолевают осуждающие оценки. *Все это, вместе взятое, и составляет трагическую эпоху.*

3. Нигилистическое движение как выражение декаданса

38

В последнее время много злоупотребляли случайным и во всех отношениях неподходящим словом: везде говорят о *«пессимизме»,* идет борьба вокруг вопроса, на который должны найтись ответы, кто прав – пессимизм или оптимизм.

Не было понято то, что, казалось, лежало как на ладони; а именно, что пессимизм не проблема, а *симптом,* что это название следует заменить *«нигилизмом»,* что вопрос о том, что лучше – бытие или небытие – сам по себе уже болезнь, признак падения, идиосинкразия.

Нигилистическое движение есть лишь выражение физиологического декаданса.

39

Следует понять: всякого рода упадок и заболевание непрестанно принимали участие в создании общих оценок; в получивших господство оценках декаданс достиг даже некоторого перевеса; нам приходится бороться не только против реальных последствий всяческого современного ужаса вырождения, но и весь *дотоле проявившийся* декаданс еще не сыграл своей роли, то есть продолжает *жить.* Подобное общее отклонение человечества от своих коренных инстинктов, подобный общий декаданс в деле установления ценностей есть вопрос par excellence[18], основная загадка, которую задает философу животное – «человек».

40

Понятие «декаданса». Отпадение отдельных частей, упадок, отброс сами по себе еще не заслуживают осуждения: это необходимое следствие жизни, жизненного роста. Появление декаданса так же необходимо, как любое восхождение и поступательное движение в

[18] По преимуществу, по сути *(фр.).*

жизни: не в нашей власти *устранить* его. Разум хочет, напротив, *чтобы за ним было признано его право.*

Позор для всех социалистических систематиков, что они думают, будто возможны условия и общественные группировки, при которых не будут больше расти пороки, болезни, преступления, проституция, *нужда*... Но ведь это значит осудить *жизнь*... Не в воле общества оставаться молодым. И даже в полном своем расцвете оно выделяет всякую нечистоту и отбросы. Чем решительнее и отважнее действует общество, тем богаче оно неудачами и неудачниками, тем ближе оно к своему падению… От старости не спасешься учреждениями. И от болезни также. И от порока.

41

Основной взгляд на существо декаданса: *то, в чем доныне видели его причины, представляет его следствия.*

Это изменяет всю перспективу *моральной проблемы.*

Вся этическая борьба против порока, роскоши, преступлений, даже против болезни представляется наивностью, оказывается излишней: нет *«исправления»* (против раскаяния).

Сам декаданс не есть что-то, *с чем нужно бороться:* он абсолютно необходим и присущ всякому народу и всякой эпохе. С чем нужно всеми силами бороться – это с занесением заразы в здоровые части организма.

Делается ли это? Делается *как раз противоположное. Гуманность* об этом только и заботится.

В каком отношении к этому основному *биологическому* вопросу стоят нынешние *высшие ценности:* философия, религия, искусство и т. д.?

(Средства лечения: например *милитаризм,* начиная с Наполеона, который в цивилизации видел своего естественного врага.)

42

То, что доныне считалось *причиною вырождения,* есть *следствие* его.

Но также и то, что почиталось *лекарством* против вырождения, только *паллиатив* против некоторых действий его: излечившиеся суть только особый *тип выродившихся.*

Следствия декаданса: порок – порочность; болезнь – болезненность; преступление – преступность; целибат[19] – бесплодие; истерия – ослабление воли; алкоголизм; пессимизм; анархизм; распутство (также и *духовное*); клеветники; люди, роющие подкопы; сомневающиеся во всем; разрушители.

43

К понятию «декаданса».

1. Скепсис есть одно из следствий декаданса, также и распутство мысли.

2. Порча нравов есть следствие декаданса (слабость воли, потребность сильных возбудительных средств…).

3. Методы лечения, психологические и моральные, не меняют хода декаданса, не задерживают его; действие их физиологически *сводится к нулю:* сознание *величайшей ничтожности* этих мнимых «реактивов»; они суть формы наркоза против некоторых роковых явлений (следствий); они не изгоняют тлетворный элемент; часто они являются геройскими попытками свести к нулю декадента, довести до minimum'а приносимый им *вред.*

4. Нигилизм не есть причина, а лишь логика декаданса.

---

[19] *Целибат* – обязательный обет безбрачия, как правило, принятый по религиозным соображениям.

5. «Хороший» и «дурной» суть только два типа декаданса: они неразрывны во всех основных феноменах.

6. *Социальный вопрос* есть следствие декаданса.

7. Болезни, и прежде всего болезни нервов и головы, суть показатели того, что отсутствует сила *самосохранения,* свойственная сильной натуре; за это говорит и крайняя возбудимость, вследствие которой *удовольствие* и *неудовольствие* становятся первенствующей проблемою.

44

Наиболее распространенные типы декаданса: 1) *веря,* что берут лекарства, избирают то, что ускоряет процесс истощения; сюда относится христианство (чтоб назвать самый примечательный случай ошибки инстинкта), сюда же относится и «прогресс»;

2) утрачивается *сила сопротивления* раздражениям, случай определяет собою все; переживания огрубляются, преувеличиваются до «чудовищных размеров»… «обезличивание», разложение воли; сюда относится целый род морали – альтруистическая мораль, та, которая толкует о сострадании; наиболее существенное в ней – слабость личности, вследствие чего эта личность *созвучна* и, подобно чрезмерно натянутой струне, дрожит непрерывно… крайняя возбудимость…

3) смешиваются причина и следствие: в декадансе не видят физиологического феномена и в его следствиях усматривают истинную причину плохого самочувствия; сюда относится вся религиозная мораль…

4) жаждут такого состояния, в котором нет больше страдания: жизнь фактически воспринимается как причина всякого *зла, бессознательные* состояния (сон, потеря сознания) оцениваются несравненно выше сознательных; отсюда некоторая *методика*...

45

К гигиене «слабых». Все, что делается в состоянии слабости, терпит неудачу. Мораль: ничего не делать. Но в том-то и беда, что именно сила отложить всякое делание, *не* реагировать, под влиянием слабости пришла в наиболее болезненное состояние, что мы всего скорее, всего слепее реагируем именно тогда, когда совсем не следовало бы реагировать…

Сила какой-либо натуры сказывается в задерживании реакции, в некоторой отсрочке ее; известного рода adiaforia[20] так же свойственна такой натуре, как слабости: связанность противодействия, внезапность, незадерживаемость «действия»… Воля слаба, и рецепт, как охранить себя от глупостей, был бы: иметь сильную волю и *ничего* не делать – contradictio[21]. Тут известное саморазрушение, инстинкт сохранения скомпрометирован… *Слабый вредит сам себе*... Это *тип* декаданса.

Действительно, мы встречаем огромное размышление над практическими приемами усвоения *бесстрастия.* Инстинкт в данном случае на верном пути, поскольку ничего не делать полезнее, чем делать что попало…

Вся практика орденов, отшельников, философов, факиров внушена той правильной оценкой, что известный род людей приносит себе, пожалуй, *больше всего пользы,* когда ставит себе возможно большие препятствия к действию. *Облегчающие меры:* абсолютное послушание, машинальная деятельность, разобщение с людьми и вещами, взывающими к немедленной решимости и действию.

---

[20] Безразличие *(греч.).*

[21] Противоречивое суждение (противоречивое) *(лат.).*

46

Слабость воли: тут сравнение, которое может ввести в заблуждение. Ибо нет никакой воли и, следовательно, нет ни сильной, ни слабой воли. Множественность и разорванность инстинктов, недостаток объединяющей их системы проявляется как «слабая воля»; координация же их под властью одного из них действует как «сильная воля»; в первом случае – колебание и недостаток устойчивости; во втором – ясность и определенность направления.

47

Наследственна не болезнь, а *болезненность:* бессилие в сопротивлении опасным и вредным нашествиям и т. д.; надломленная сила противодействия; выражаясь *морально,* покорность и смирение перед врагом.

Я спрашивал себя, нельзя ли сравнить все эти высшие ценности бывшей доныне в ходу философии, морали и религии с ценностями ослабших, *душевнобольных и неврастеников:* они являют, хотя и в более слабой степени, *то же зло.*

Ценность всех болезненных состояний заключается в том, что они показывают как бы в увеличительное стекло известные нормальные, но в нормальном виде плохо различимые состояния.

Здоровье и болезнь не разнятся одно от другого по существу, как думают древние врачи и теперь еще некоторые современные практиканты. Не следует делать из них различные принципы и сущности, которые ссорились бы из-за живого организма и делали бы его местом своей борьбы. Это глупость и пустая болтовня, ни к чему не пригодные. Фактически между этими двумя родами существования есть только различие в степени: преувеличение, диспропорция, дисгармония в соотношениях нормальных феноменов и представляют болезненное состояние (Клод Бернар[22]).

Поскольку *«зло»* может быть рассматриваемо как преувеличение, дисгармония, диспропорция, постольку *«добро»* может быть *предохраняющей диетой* против опасности впасть в преувеличение, дисгармонию и нарушение пропорций.

Наследственная слабость как *господствующее* чувство: причина высших ценностей.

NB. Слабости *желают:* почему? В большинстве случаев потому, что слабы в силу *необходимости.*

Ослабление как задача: ослабление желаний, ощущений радости и неудовольствия, воли к власти, к чувству гордости, к желанию иметь, и иметь как можно больше; ослабление как смирение; ослабление как вера; ослабление как отвращение и стыд перед всем естественным, как отрицание жизни, как болезнь и обычная слабость… ослабление как отказ от мести, от сопротивления, от вражды и гнева.

Неверный прием в лечении: стремятся победить слабость не посредством système fortifiant[23], но посредством какого-то оправдывания и *морализирования,* то есть какого-то *толкования.*

Смешение двух совершенно разных состояний: например, *спокойствия силы,* которое в сущности есть воздержание от реакций (тип богов, которых ничто не трогает), и *спокойствие истощения,* тупость, доходящая до анестезии. Все философски-аскетические приемы стремятся ко второму, но подразумевают в сущности первое; ибо они приписывают достигнутому состоянию такие свойства, как если б было достигнуто божественное состояние.

---

[22] *Бернар Клод* (1813—1878) – французский врач, физиолог.

[23] Укрепляющей системы *(фр.).*

48

Опаснейшее недоразумение. Существует понятие, которое, по-видимому, не допускает смешения, двоякого толкования: это *истощение.* Оно может быть благоприобретено, оно может быть наследственно, и в том и в другом случае оно меняет аспект вещей, *ценность вещей*... В противоположность тому, кто из обилия, которое он являет собою и сам ощущает, помимо воли своей *отдает* вещам и видит их полнее, могущественнее, чреватее будущим, тому, кто, во всяком случае, *может* дарить, истощенный умаляет, загрязняет все, что он видит, он *роняет* ценность: он вреден…

Относительно этого, кажется, не может быть ошибки; между тем в истории мы видим тот ужасающий факт, что истощенных всегда *смешивали* с преисполненными жизнью, а преисполненных жизнью с вреднейшими.

Оскудевший жизнью, слабый еще более обедняет жизнь; богатый жизнью, сильный обогащает ее. Первый является паразитом ее, второй одаряет ее… Как же тут возможно смешение?..

Когда истощенный выступал с видом высшей активности и энергии (в моменты, когда вырождение вызывало эксцесс духовного или нервного разряжения), тогда его *смешивали* с богатым… Он возбуждал страх… Культ *слабоумного* совпадает всегда с культом богатого жизнью, могучего. Фанатик, одержимый, религиозный эпилептик, все эксцентричные воспринимались как высшие типы могущества, как *боговдохновенные.*

Такого рода сила, которая возбуждает *страх,* почиталась по преимуществу божественной: здесь был источник авторитета, ее истолковывали как *мудрость,* в ней видели, искали мудрость… Из этого развилась почти везде *воля к* «обожествлению», то есть к типичному вырождению духа, тела и нервов: попытка найти путь к высшему виду бытия. Довести себя до болезни, до безумия, вызвать симптомы расстройства – это значило стать сильнее, сверхчеловечнее, ужаснее, мудрее. Воображали себя, благодаря этому, настолько богатыми мощью, чтобы *отдавать* часть ее. Повсюду, где люди боготворили, они искали кого-нибудь, кто мог бы отдавать.

В этом случае источником заблуждения является хорошо известное состояние опьянения. Это последнее в высшей степени *увеличивает* чувство мощи, а следовательно, рассуждая наивно, и *самую мощь.* На высшей ступени власти должен был стоять *самый опьяненный,* экстатик (есть две исходные точки *опьянения:* необычайная полнота жизни и состояние болезненного питания мозга).

49

Приобретенное, а не унаследованное истощение: 1) недостаточность *питания,* часто от неведения в этом вопросе, например у ученых; 2) *преждевременное* эротическое развитие: по преимуществу бич французской молодежи, особенно парижан, вступающих из лицеев в жизнь уже развращенными и загрязненными и уже не могущих вырваться из цепи позорных склонностей, жалких и презренных в собственных глазах – невольников галеры при всей их утонченности (впрочем, в большинстве случаев это уже симптом расового и фамильного декаданса, как всякая гипертрофированная чувствительность; сюда же следует отнести заразу, исходящую от среды: слепое подчинение влиянию среды также относится к декадансу); 3) алкоголизм, *не* как инстинкт, а как привычка, тупое подражание, трусливое или тщеславное приспособление к царящему режиму: какое благодеяние еврей среди немцев! О сколько тупости, о эти льняные головы, эти голубые глаза; отсутствие esprit[24] в лице, сло-

[24] Ума, сознания, духа *(фр.).*

вах, манерах; это ленивое потягивание, эта немецкая потребность в отдыхе, происходящая не от переутомления в работе, а от отвратительной возбужденности и перевозбужденности алкоголем…

50

Теория истощения. Порок, душевные больные (ср. артистов…), преступники, анархисты – все это не *угнетенные* классы, но *отбросы* всех классов бывшего до сих пор общества…

Усмотрев, что все наши сословия и состояния проникнуты этими элементами, мы поняли, что *современное общество* не «общество», не «тело», но больной конгломерат чандалы[25], общество, утратившее силу *извергать из себя* вредные ему элементы.

Насколько от совместной жизни в течение долгих столетий болезненность проникает все глубже:

современная добродетель	как формы болезни
современная духовность	
наша наука	

51

Состояние испорченности. Понять взаимную связь всех форм испорченности и при этом не забыть христианской испорченности (Паскаль как тип), равным образом социалистическо-коммунистической испорченности (она – следствие христианской, с естественно-научной точки зрения *высшая* концепция общества у социалистов представляется *низшей* в иерархии обществ); испорченность *«потусторонности»,* как будто кроме действительного мира, мира становления, есть еще мир сущего.

Здесь не должно быть никакого *соглашения:* здесь надо вычищать, уничтожать, вести войну, нужно еще *поизвлечь* отовсюду христианско-нигилистический масштаб оценки и бороться с ним под всякой маской; так, например, из теперешней *социологии,* из теперешней *музыки,* из теперешнего *пессимизма* (все формы христианского идеала ценности).

Либо то, либо другое *истинно;* быть истинным значит в данном случае способствовать повышению типа «человек». Священники, пастыри душ как негодные, недостойные формы существования. Все воспитание до сих пор беспомощно, неустойчиво, лишено надлежащей опоры и веса, носит на себе следы противоречия ценностей.

52

Не природа безнравственна, когда она без сострадания относится к дегенератам: наоборот, рост физиологического и морального зла в человеческом роде есть *следствие болезненной и противоестественной морали.* Чувствительность большинства людей болезненна и неестественна.

От чего зависит, что человечество *испорчено* в моральном и физиологическом отношении? Тело гибнет, когда *поражен* какой-либо орган. *Право альтруизма* нельзя сводить на физиологию; столь же мало можно это делать и по отношению к праву на помощь, на одинаковую участь: это все премии для дегенератов и убогих. *Нет солидарности* в обществе, где

[25] *Чандала (санскр.)* – одна из самых низших каст в Индии.

имеются неплодотворные, непродуктивные и разрушительные элементы, которые к тому же дадут еще более выродившееся, чем они сами, потомство.

53

Существует глубокое и совершенно неосознанное влияние декаданса даже на идеалы науки: вся наша социология служит доказательством этого положения. Ей можно поставить в упрек, что она знакома по опыту только с формой *упадочного* общества и неизбежно осуждена принимать свои собственные упадочные инстинкты за норму социологического суждения.

Клонящаяся к упадку жизнь современной Европы формулирует в них свои общественные идеалы, и все они разительно похожи на идеал *старых, отживших* рас.

Поэтому *стадный инстинкт,* завоевавший теперь верховенство, представляет нечто в корне отличное от инстинкта *аристократического общества:* от ценности *единиц* зависит то или другое значение суммы… Вся наша социология не знает другого инстинкта, кроме инстинкта стада, то есть *суммированных нулей,* где каждый нуль имеет «одинаковые права», где считается добродетелью быть нулем…

Оценка, с которой в настоящее время подходят к различным формам общества, во всех отношениях сходна с той, по которой *миру* придается бо'льшая ценность, чем войне; но это суждение антибиологично, оно само – порождение декаданса жизни… Жизнь есть результат войны, само общество – средство для войны… Господин Герберт Спенсер, как биолог, декадент, таковым же он является и как моралист (он видит в *победе* альтруизма нечто желательное!!!).

54

Мне посчастливилось, после целых тысячелетий заблуждений и путаницы, снова найти дорогу, ведущую к некоторому *да* и некоторому *нет*.

Я учу говорить *нет* всему, что ослабляет, что истощает…

Я учу говорить *да* всему, что усиливает, что накапливает силы, что оправдывает чувство силы.

До сих пор никто не учил ни тому ни другому: учили добродетели, самоотречению, состраданию, учили даже отрицанию жизни. Все это суть ценности истощенных.

Долгое размышление над физиологией истощения обратило меня к вопросу о том, насколько суждения истощенных проникли в мир общих ценностей.

Достигнутый мною результат был до невероятности неожиданным даже для меня, успевшего освоиться уже не с одним чуждым миром: я открыл, что все высшие ценности, все, господствующие над человечеством, по крайней мере над укрощенным человечеством, могут быть сведены к оценкам истощенных.

Из-под священных имен извлек я разрушительные тенденции: Богом назвали то, что ослабляет, учит слабости, заражает слабостью… я открыл, что «хороший человек» есть форма самоутверждения декаданса.

Ту добродетель, о которой еще Шопенгауэр учил как о высшей, единственной и основной добродетели, именно ее, это сострадание, признал я более опасною, нежели любой порок. Решительно идти наперекор родовому подбору и очищению вида от элементов упадка – вот что доныне считалось добродетелью par excellence…

Следует чтить *рок,* рок, говорящий слабому: «Погибни!..»

Богом назвали противление року, порчу и разложение человечества… Не до'лжно произносить всуе имя Божие…

Раса испорчена – не пороками своими, а неведением; она испорчена потому, что она истощение восприняла не как истощение: ошибки в физиологии суть причины всех зол.

Добродетель есть наше великое недоразумение.

Проблема: как истощенные достигли того, чтоб стать законодателями ценностей? Или иначе: как достигли власти те, которые – последние?.. Как инстинкт зверя-человека стал вверх ногами?..

4. Кризис: нигилизм и идея «возвращения»

55

Крайние позиции сменяются не более умеренными, а опять же крайними, но *обратными.* Поэтому вера в абсолютную имморальность природы, в бесцельность и бессмысленность – психологически необходимый *аффект,* наступающий, когда утрачивается вера в Бога и нравственные основы миропорядка. Нигилизм возникает *не* потому, что отвращение к жизни теперь сильнее, чем было раньше, но потому, что вообще является сомнение в том, чтобы зло или даже жизнь могли иметь какой-либо «смысл». *Одна* интерпретация погибла, но так как она считалась *единственной* интерпретацией, то нам и кажется ныне, будто нет никакого смысла в жизни вообще, будто все *напрасно.*

* * *

Однако остается еще доказать, что это «напрасно» определяет характер нашего нынешнего нигилизма. Недоверие к нашей прежней оценке ценностей вырастает до вопроса: не служат ли все «ценности» приманкой, затягивающей комедию, но ни в каком случае не приводящей ее к какому-либо разрешению? *Длительность* существования, при наличности этого «напрасно», без цели и без смысла, – вот наиболее *парализующая* мысль, особенно тогда, когда человек понимает, что над ним издеваются, и все же не имеет силы оградить себя от этого.

Продумаем эту мысль в самой страшной ее форме: жизнь, как она есть, без смысла, без цели, но возвращающаяся неизбежно, без заключительного «ничто»: *«вечный возврат».*

Это самая крайняя форма нигилизма: «ничто» («бессмысленное») – вечно!

Европейская форма буддизма: энергия знания и силы принуждает к такой вере. Это *самая научная* из всех возможных гипотез. Мы отрицаем конечные цели: если бы существование имело такую цель, она должна была бы быть уже достигнута.

Становится понятным, что здесь налицо стремление создать противоположение пантеизму, ибо «все совершенно, божественно, вечно» *также* навязывает *веру в «вечный возврат».* Вопрос в том, стало ли невозможным вместе с моралью и это пантеистическое *да,* обращенное ко всем вещам.

В сущности преодолен ведь только моральный бог. Есть ли смысл представлять себе бога по ту сторону добра и зла? Возможен ли пантеизм в *таком* смысле? Можно ли, изгнав из процесса представление цели, несмотря на это, *все же* говорить *да* процессу? Это было бы так только в том случае, если б в пределах самого процесса, в каждое мгновение его что-нибудь *достигалось,* и всякий раз одно и то же. Спиноза достиг такой утверждающей точки зрения, поскольку каждое мгновение имеет свою *логическую* необходимость, и он, с заложенным в основе его существа логическим инстинктом, торжественно приветствовал *такой* миропорядок.

* * *

Но его случай – только частный случай. *Всякая коренная особенность,* лежащая в основе *всего* совершающегося и проявляющаяся во *всем* совершающемся, должна была бы побудить человека, осознавшего ее как *свою* собственную особенность, торжественно благословить каждый миг мирового существования. Тогда все дело заключалось бы в том, чтобы радостно признать в себе самом благой и ценной эту свою особенность.

* * *

Мораль предохраняла от отчаяния и прыжка в «ничто» жизнь людей и сословий, притесняемых и угнетаемых именно *людьми;* ибо бессилие перед людьми, а *не* перед природой вызывает наиболее отчаянное озлобление к жизни. Мораль относилась к властителям, насильникам, вообще к «господам» как к врагам, против которых должно защитить обыкновенного человека, то есть *прежде всего поднять в нем мужество и силу.* Мораль, следовательно, учила глубже всего *ненавидеть и презирать* то, что составляет характернейшую особенность властителей: их *волю к власти.* Эту мораль отменить, отвергнуть, разложить значило бы в обратном смысле ценить и воспринимать этот столь ненавидимый инстинкт. Если бы страдающий, угнетенный человек *потерял веру* в свое *право* презирать волю к власти, он вступил бы в полосу самого безнадежного отчаяния. Но это было бы только в том случае, если б эта черта лежала в самом существе жизни, если б выяснилось, что даже под личиной воли к морали скрывается только «воля к власти», что сама *его* ненависть и презрение тоже особая «мощь-воля». Угнетенный понял бы, что он стоит *на одной почве* со своим угнетателем и что перед ним у него нет никакого *преимущества,* никаких прав на *высшее* положение.

* * *

Скорее *наоборот!* Жизнь не имеет иных ценностей, кроме степени власти, – если мы предположим, что сама жизнь есть воля к власти. Мораль ограждала *неудачников, обездоленных* от нигилизма, приписывая *каждому* бесконечную ценность, метафизическую ценность и указуя им место в порядке, не совпадающем ни с мирской властью, ни с иерархией рангов: она учила подчинению, смирению и т. д. *Если предположить, что вера в эту мораль погибнет,* то неудачники утратят свое утешение и *погибнут.*

* * *

Гибель принимает здесь форму *самообречения на гибель* в виде инстинктивного подбора всего того, что *должно губить.* Вот *симптомы* этого саморазрушения неудачников: самовивисекция, отравление, опьянение, романтика и прежде всего – инстинктивное побуждение к поступкам, вызывающим *смертельную вражду* со стороны имеющих власть (как бы воспитание себе самому палачей), *воля к разрушению* как воля еще более глубоко заложенного инстинкта, инстинкта саморазрушения, *устремления в «ничто».*

* * *

Нигилизм – как симптом того, что неудачникам нет больше утешения, что они уничтожают, чтобы быть уничтоженными, что они, оторвавшись от морали, не имеют больше основания «покоряться своей судьбе», что они становятся на почву противоположного принципа и со своей стороны также *хотят власти, принуждая* властвующих быть их палачами. Это и есть европейская форма буддизма, *осуществление «нет»* после того, как всякое существование потеряло свой «смысл».

«Нужда» между тем не возросла – наоборот! «Бог, мораль, смирение» служили средствами исцеления в самые страшные и бедственные времена: *активный нигилизм* выступает при сравнительно более благоприятно сложившихся условиях. Уже самое преодоление морали предполагает довольно высокий уровень духовной культуры, а она, в свою очередь, предполагает относительное благополучие. Известная духовная усталость, путем продолжительной борьбы философских мнений доведенная до безнадежнейшего скептицизма по отношению к философии, указывает также отнюдь не на *низкий* уровень этих нигилистов. Стоит только вспомнить о той обстановке, в которой выступил Будда. Учение о вечном возвращении должно было бы иметь некоторые научные предпосылки (подобно тому, как их имело учение Будды, например понятие о причинности и т. д.).

* * *

Что же означает теперь «неудачник»? Прежде всего *физиологическую* неудачу, а уже не политическую. Самый *нездоровый* род людей в Европе (во всех сословиях) – почва для этого нигилизма: они воспримут веру в вечное возвращение как *проклятие,* и пораженный этим проклятием человек не остановится ни перед какими действиями: не пассивно сгинуть, но *довести* до гибели все, что в такой степени бессмысленно и бесцельно; хотя в сущности это только род судороги, слепого бешенства при сознании, что все уже было от вечности, все – вплоть до этой самой минуты нигилизма и страсти разрушения. *Ценность* такого кризиса в том, что он *очищает,* что он сводит вместе родственные элементы, которые взаимно губят друг друга, в том, что он людям противоположного образа мыслей указывает на общие задачи; обнаруживая и среди них более слабых и менее уверенных, он этим создает особую *иерархию сил с* точки зрения здоровья: признавая повелевающих – повелевающими, подчиняющихся – подчиняющимися. Конечно, оставляя в стороне все существующие общественные группировки.

* * *

Кто же окажется при этом самыми *сильными?* Самые умеренные, те, которые *не нуждаются* в крайних догматах веры, те, которые не только допускают добрую долю случайности, бессмысленности, но и любят ее, те, которые умеют размышлять о человеке, значительно ограничивая его ценность, но не становясь, однако, от этого ни приниженными, ни слабыми: наиболее богатые здоровьем, те, которые легче переносят всякие невзгоды и поэтому их не слишком боятся, – люди, *уверенные в своей силе* и с сознательной гордостью олицетворяющие *достигнутую* человеком мощь.

Каковы были бы мысли такого человека о вечном возвращении?

56

Периоды европейского нигилизма.

Период неясности: всевозможные попытки сохранить старое, не упуская вместе с тем нового.

Период ясности: окончательно понято, что старое и новое в основе противоположны друг другу, ибо старые ценности порождены нисходящей жизнью, а новые – восходящей, что *все старые идеалы* суть идеалы, враждебные жизни (то есть вызванные декадансом и сами обусловливающие его, хотя и разряженные в пышный праздничный убор морали). Мы *понимаем* старое и далеко недостаточно сильны для нового.

Период трех великих аффектов: презрения, сострадания и разрушения.

Период катастрофы: распространение учения, которое просеивает людей, учения… побуждающего слабых к решимости, а также и сильных.

II. К истории европейского нигилизма

A. Современное омрачение

57

Друзья мои, нам туго приходилось, когда мы были молоды: мы страдали от самой молодости, как от тяжелой болезни. В этом виновато время, в которое мы заброшены, – время большого внутреннего упадка и распадения, которое всеми своими слабостями и даже лучшей своей силой противоборствует духу молодости. Распадение, следовательно, неопределенность свойственны этому времени: нет ничего, что бы стояло на ногах крепко, с суровой верой в себя: живут для завтрашнего дня, ибо послезавтра сомнительно. Все на нашем пути скользко и опасно, и при этом лед, который нас еще держит, стал таким тонким; мы все чувствуем теплое и грозящее дыхание оттепели – там, где мы еще ступаем, скоро *нельзя* будет проходить никому!

58

Если это не столетие упадка и постепенно убывающей жизненной силы, то это по меньшей мере столетие необдуманных и произвольных *попыток;* и весьма вероятно, что от черезмерного числа неудачных опытов получится некоторое общее впечатление как бы упадка, а быть может, и на самом деле это – *упадок.*

59

К истории современного омрачения. Государственные кочевники (чиновники и т. д.): нет «родины».

Падение семьи.

«Хороший человек» как симптом изнеможения. Справедливость как воля к власти (воспитание).

Половая похотливость и невроз.

Черная музыка: куда девалась настоящая музыка?

Анархизм.

Презрение к людям, отвращение.

Глубочайшее различение: имеет ли творческий характер голод или переизбыток? Первый создает *идеалы романтики.* Северная неестественность. Потребность в alcoholica[26]; «нужда» рабочего сословия.

Философский нигилизм.

60

Медленное выступление вперед и подъем средних и низших состояний и сословий (в том числе низших форм духа и тела), которые уже в значительной мере были подготовлены Французской революцией, но которые и без революции не замедлили бы проложить себе дорогу, в целом приводят, таким образом, к перевесу стада над всеми пастухами и вожатыми.

1. Омрачение духа (совместное существование стоической и фривольной *видимости* счастья, свойственной благородным культурам, встречается все реже, многие страдания *становятся заметными* и *высказываются* там, где прежде их переносили и скрывали).

2. *Моральное* лицемерие (способ *выдвинуться* своей моралью, но путем проявления стадных добродетелей: сострадания, заботливости о других, умеренности, а не тех, которые признаются и ценятся вне стадности).

3. *Действительное* сострадание и сорадование в больших размерах (радость близкого общения с большим числом себе подобных, свойственное всем стадным животным «чувство общественности», «отечество» – словом, все то, при чем не принимается в соображение индивид).

61

Наше время, с его стремлением как-нибудь помочь случайным нуждам, предупредить их и вообще своевременно устранить неприятные возможности, есть время *бедных.* Наши «богатые» – вот самые бедные! Коренная *цель* всякого богатства *забыта*!

62

Критика современного человека: «человек добр», но только испорчен и соблазнен дурными установлениями (тиранами и попами); разум как авторитет; история как преодоление ошибок; будущее как прогресс; христианское государство («Господь сил»); христианское отношение полов (или брак); царство «справедливости» (культ «человечества»); «свобода».

Романтическая поза современного человека: благородный человек (Байрон, Виктор Гюго, Жорж Санд), благородное негодование; освящение страстью (как подлинною «природою»); защита угнетенных и обездоленных как девиз историков и романистов; стоики долга; самоотречение как искусство и познание; альтруизм как наиболее изолгавшаяся форма эгоизма (утилитаризм), сентиментальный эгоизм.

Это все – восемнадцатый век. Напротив, то, чего мы от него *не* унаследовали, это – l'insouciance[27], веселость, изящество, ясность ума; темп духа изменился; наслаждение духовною ясностью и тонкостью уступило место наслаждению красками, гармонией, массой, реальностью и т. д. Сенсуализм в духовном. Словом, это восемнадцатый век *Руссо.*

63

В общем счете в нашем современном человечестве *гуманность* достигла огромных размеров. То, что это обычно не ощущается, может само по себе служить доказательством

[26] Алкогольном *(лат.).*

[27] Беспечность *(фр.).*

справедливости сказанного: мы стали столь чувствительны к *мелким невзгодам,* что проявляем несправедливость в оценке достигнутого нами.

При этом не следует упускать из виду значительное влияние декаданса и то, что наш мир, если смотреть на него такими глазами, *должен казаться* плохим и жалким. Но эти глаза во все времена видели одно и то же:

1) некоторую перевозбужденность даже морального чувства;

2) ту долю озлобления и омрачения, которую пессимизм привносит в суждения.

И то и другое вместе дало перевес *противоположному* представлению, а именно, что в деле нашей морали *не все* обстоит благополучно.

Факт существования кредита, всей мировой торговли, установления постоянных сношений – во всем этом выражается необычайно благосклонное *доверие* к человеку… Этому же способствует:

3) освобождение науки от моральных и религиозных целей – весьма хороший признак, но в большинстве случаев ложно понимаемый.

Я пытаюсь на свой лад оправдать историю.

64

Второй буддизм. Предвестья его: распространение сострадания. Духовное переутомление. Сведение проблем к вопросам удовольствия и неудовольствия. Военное величие и слава, возбуждающие соответствующую реакцию. Равным образом национальные отграничения, вызывающие некоторое обратное движение к сердечному «братству». Невозможность для религии работать далее при посредстве догматов и басен. Этой буддийской культуре положит конец *нигилистическая катастрофа.*

65

Всего глубже подорваны в наше время инстинкт и воля *традиции:* все установления, обязанные своим происхождением этому инстинкту, противоречат вкусу современного человека… Что бы ни делали и ни думали ныне, *во всем* преследуют в сущности только одну цель: с корнем вырвать эту склонность к преданию, к преемственности. В традиции видят тяжкую неизбежность: ее изучают, признают (как «наследственность»), но *не хотят.* Напряжение воли, направленное на далекое грядущее, подбор условий и оценок, дающих власть над сотнями лет вперед, – все это в высшей степени несовременно. Отсюда следует, что характер нашей эпохи определяется *дезорганизующими* принципами.

66

«Будьте просты» – вот требование, которое, обращенное к нам, сложным и непостижимым испытателям утроб, является просто глупостью… Будьте естественны! Хорошо, ну а если мы по существу «неестественны»?

67

В былое время средствами, имевшими своею целью создание через длинный ряд поколений *однородных,* устойчивых существ, являлись не подлежавшее отчуждению земельное владение, уважение к старейшим (источник веры в богов и героев как предков).

Теперь *раздробление земельной собственности* объясняется противоположной тенденцией. *Газета* заменила ежедневные *молитвы.* Железная дорога, телеграф. Централизация огромной массы разнообразных интересов в одной душе, которая *при этих условиях* должна отличаться большой силой и способностью к превращениям.

68

Почему все становится *комедиантством.* Современному человеку недостает верного *инстинкта* (следствие *долгой однообразной формы деятельности* для каждого рода людей); неспособность создать что-либо *совершенное* есть прямое следствие этого: отдельный человек не в силах наверстать то, чего ему не дала школа.

Чем вызывается к жизни мораль, законодательство? Глубоким инстинктивным чувством того, что лишь благодаря *автоматизму* возможно совершенство в жизни и творчестве…

Но ныне мы достигли противоположной точки, мы *хотели* достигнуть ее, а именно – крайней сознательности, самопостижения человека и истории. Благодаря этому на практике мы всего дальше от совершенства в своем бытии, делании, воле: самая наша жажда, наша воля к познанию есть симптом безмерного декаденса. Мы стремимся к противоположности того, чего хотят *сильные расы, сильные натуры,* – постижение есть *конец*…

Что наука возможна, в том смысле, как она процветает ныне, это – доказательство того, что все элементарные инстинкты, инстинкты *самозащиты и самоограждения,* более не действуют в жизни. Мы больше не собираем, мы расточаем то, что накоплено нашими предками, и это верно даже в отношении к тому способу, каким мы *познаем.*

69

Нигилистическая черта:

a) *в естественных науках,* «отсутствие смысла» – каузализм, механизм. «Закономерность» – переходная ступень, остаток старины;

b) равным образом в *политике:* человек утратил веру в *свое* право, невинность; царит лганье, служение минуте;

c) равным образом и *в народном хозяйстве,* уничтожение рабства, отсутствие искупающего сословия, *оправдателя,* появление и рост анархизма. «Воспитание»?

d) равным образом *в истории:* фатализм, дарвинизм; последние попытки истолковать ее с помощью понятий разума и божественности потерпели неудачу. Сентиментальность по отношению к прошлому; биография представляется чем-то нестерпимым! (Феноменализм и здесь: характер как маска, событий нет.)

e) равным образом в *искусстве:* романтика и *реакция* против нее (отвращение к романтическим идеалам и лжи). Последняя – моральна, как чувство большей правды, но пессимистична. Чистые «артисты» (равнодушны к содержанию). (Психология исповедален и пуританская психология, две формы психологической романтики; ее прямая противоположность – попытка чисто артистически отнестись к «человеку», но и тут еще нет *решимости* на установление обратной *оценки*!)

70

Против учения о влиянии *среды* и внешних причин: внутренняя сила бесконечно *важнее;* многое, что представляется влиянием извне, в сущности, есть только приспособление этой внутренней силы к окружающему. Совершенно тождественные среды могут получить прямо противоположное толкование и быть использованы в противоположном смысле: фактов не существует. Гений *не* может быть объяснен из подобных условий возникновения.

71

«Современность», изображенная в образе питания и усвоения пищи. Чувствительность несказанно обострена (под моралистическими прикрасами: увеличение *сострадания*); количество разрозненных впечатлений больше, чем когда-либо: *космополитизм* языков, литератур, газет, форм, вкусов, даже пейзажа. *Темп* этого потока – prestissimo[28]; впечатления смывают одно другое; инстинктивно остерегаешься воспринимать что-либо, воспринимать *глубоко,* «переваривать», отсюда как результат ослабление пищеварительной силы. Происходит известного рода *приспособление* к этому перегружению впечатлениями: человек *отучается от активности,* все *сводится к реагированию* на внешние раздражения. *Он расходует свою силу* частью на *усвоение,* частью на *самооборону,* частью на *борьбу. Глубокое ослабление самопроизвольности:* историк, критик, аналитик, толкователь, наблюдатель, коллекционер, читатель – все *«реактивные»* таланты; *все* – наука!

Искусственное *уподобление* своей природы «зеркалу»: есть интересы, но только не проникающие далее эпидермы; принципиальная холодность, уравновешенность, строго поддерживаемая *низкая* температура непосредственно под тонким верхним слоем, на котором есть тепло, движение, «буря», игра волн.

Противоположность между *внешней* подвижностью и некоторым *отяжелением и утомлением в глубине.*

72

Куда можно отнести наш современный мир: к эпохам истощения или эпохам восхождения? – Его многообразие и беспокойность обусловлены высшей формой *сознательности.*

73

Переутомление, любопытство и сочувствие – наши *современные пороки.*

74

К характеристике *«современности». Пышный расцвет промежуточных форм; убыль типов; разрыв с традицией, со школами; господство инстинктов* (подготовленное *высокой* философской оценкой бессознательного), последовавшее за *ослаблением силы воли* – воления целей и средств…

75

Дельному ремесленнику и ученому приличествует гордиться своим искусством и со скромным довольством взирать на жизнь. С другой стороны, нет зрелища печальнее, чем то, когда какой-нибудь сапожник или школьный учитель со страдальческим видом дает понять, что он, собственно, рожден для чего-то высшего. Нет вообще чего-либо лучшего, чем хорошее! А это последнее в том и заключается, чтобы быть в чем-нибудь дельным и соответственно тому творить, – virtu[29] в смысле итальянского Ренессанса.

В настоящее время, когда государство отрастило себе бессмысленно толстый живот, появились во всех полях деятельности и во всех специальностях, кроме действительных работников, еще «представители», как то: помимо ученых еще литераторы, помимо страждущих слоев народа еще болтающие и хвастливые бездельники, считающие себя «предста-

[28] Самый быстрый *(ит.).*

[29] Добродетель *(ит.).*

вителями» этого страдания, не говоря уже о профессиональных политиках, которые благодушествуют и при помощи крепких легких «представительствуют» перед каким-либо парламентом общественные нужды. Наша современная жизнь стала страшно *дорога* ввиду массы посредников; между тем в античном городе, а как отголосок древности и во многих городах Испании и Италии, каждый выступал за *себя* и не дал бы даже ломаного гроша за такого современного представителя и посредника.

76

Преобладание *мелочного торговца и посредника* – даже в сфере наиболее духовного: литератор, «представитель», историк (спаивающий прошлое с настоящим), экзотик и космополит; посредники между естественными науками и философией, полутеологи.

77

Наибольшее отвращение возбуждали во мне до сих пор лизоблюды духа; их можно уже теперь найти в нашей нездоровой Европе повсюду; и что их особенно отличает – это полнейшая чистота их совести. Они, пожалуй, немного мрачны, немного air pessimiste[30], но главным образом прожорливы, грязны, марки, вкрадчивы, пролазы, вороваты, паршивы – и невинны, как все маленькие грешники и микробы. Они живут за счет умных и остроумных людей, полной пригоршнью бросающих людям свой ум и свое остроумие; они знают, что богатым духом по существу их свойственно беззаботно, пренебрегая мелочной осторожностью, день за днем и даже расточительно отдавать себя и свое. Ибо дух – плохой домохозяин и сам не замечает, как все живет и питается за его счет.

78

Комедиантство.

Пестрота красок в современном человечестве и ее привлекательность. По существу игра в прятки и пресыщение. Литератор.

Политик (в «национальном шарлатанстве»).

Комедиантство в искусствах:

недостаток основательной научной подготовки и дисциплины (Фромантен);

романтики (недостаток философии и науки и избыток литературы);

романисты (Вальтер Скотт, но также и чудовища – Нибелунги с наинервнейшей музыкой);

лирики.

«Научность»…

Виртуозы (евреи).

Народные идеалы как превзойденные и замененные, но еще не в *глазах народа:* святой, мудрец, пророк.

79

Недисциплинированность современного духа под всевозможными моральными уборами. Пышные наименования: терпимость (а в сущности неспособность сказать «да» или «нет»); le largeur de sympathie[31] (на треть – равнодушие, на треть – любопытство, на треть – болезненная возбудимость); «объективность» (недостаток личности, недостаток воли,

[30] С пессимистическим видом *(фр.).*

[31] Широта симпатии *(фр.).*

неспособность к «любви»); «свобода» по отношению к правилам (романтика); «истина» в противовес лжи и подделке (натурализм); «научность» («le document humain»[32]: в переводе – лубочный роман и суммирование, сводка вместо компоновки); «страсть», где в действительности беспорядочность и безмерность; «глубина», где в действительности путаница и сумятица символов.

80

К критике великих слов. Я исполнен подозрения и злобы к тому, что называют «идеалом»: мой *пессимизм* в том, что я постиг, насколько «высшие чувства» суть источники бедствия, то есть умаления и обесценения человека.

Ожидая от идеала какого-нибудь «прогресса», неизменно впадают в заблуждение: до сих пор победа идеала всякий раз была *движением вспять*.

Христианство, революция, отмена рабства, равенство прав, филантропия, миролюбие, справедливость, истина: все эти великие слова имеют цену лишь в борьбе, как знамена, – *не* как реальности, а как *пышные наименования* для чего-то совсем иного (даже противоположного!).

81

Известен тот сорт людей, который влюблен в изречение tout comprendre c'est tout pardonner[33]. Это – слабые, это прежде всего – разочарованные: если во всем можно найти что-либо, подлежащее прощению, то, следовательно, и во всем есть нечто достойное презрения! Это – философия разочарования кутается здесь столь гуманно в сострадание и так умильно смотрит.

Это – романтики, вера которых улетучилась, и вот им хочется теперь по крайней мере *полюбоваться со стороны* на то, как все бежит и исчезает. Они называют это l'art pour l'art[34], *«объективностью»* и т. д.

82

Главные симптомы пессимизма: les doners chez Magny[35]; русский пессимизм (Толстой, Достоевский); эстетический пессимизм, l'art pour l'art, description[36] (романтический и антиромантический пессимизм); гносеологический пессимизм (Шопенгауэр; феноменализм); анархический пессимизм; «религия сострадания», предварение буддизма; культурный пессимизм (экзотизм, космополитизм); этический пессимизм: я сам.

83

«*Без христианской веры,* – думал Паскаль, – вы сами в своих глазах, так же как и природа и история, будете un monstre et un chaos[37]». Это пророчество *исполнилось* на нас, после того как малодушно-оптимистическое восемнадцатое столетие *приукрасило и рационализировало* человека.

---

[32] Человеческий документ *(фр.)*.

[33] Все понимать значит все прощать *(фр.)*.

[34] Искусство ради искусства *(фр.)*.

[35] Обеды у вельмож *(фр.)*.

[36] Описание *(фр.)*.

[37] Чудовище и хаос *(фр.)*.

Шопенгауэр и Паскаль. В одном важном смысле *Шопенгауэр* первый *продолжил* дело *Паскаля: un monstre et un chaos,* следовательно, нечто, подлежащее *отрицанию*… История, природа и сам человек!

«*Наша неспособность познать истину* есть следствие нашей *испорченности,* нашего нравственного *падения»* – так говорит Паскаль. И то же, в сущности, говорил Шопенгауэр. «Чем глубже извращение разума, тем необходимее учение об искуплении» – или, выражаясь по-шопенгауэровски, – отрицание бытия.

84

Шопенгауэр как подделка (дореволюционное состояние): сострадание, чувственность, искусство, слабость воли, католицизм даже наиболее духовных порывов – это au fond[38] подлинный восемнадцатый век.

Коренное непонимание *Шопенгауэром воли* (как будто вожделение, влечение, инстинкт – самое *существенное* в воле) типично: умаление ценности воли вплоть до полного непонимания ее. Вместе с тем ненависть к воле; попытка в «неволении», в «пребывании *бесцельным* субъектом» (в «чистом, безвольном субъекте») усмотреть нечто более высокое, *даже* самое высшее, самое ценное по существу. Великий симптом *усталости* или *ослабления воли:* ибо она и есть то, что господствует над вожделением, указуя ему меру и путь его.

85

Была сделана недостойная попытка рассматривать Вагнера и Шопенгауэра как типы умственно ненормальных людей; в интересах уяснения вопроса было бы несравненно важнее, если б с научною точностью определили тот тип декаданса, к которому принадлежат они оба.

86

Генрик Ибсен стал мне отчетливо понятен. При всем своем здоровом идеализме и «воле к истине» он не осмелился сбросить с себя оковы того морального иллюзионизма, который говорит «свобода» и не хочет признаться себе в том, что такое свобода: вторая ступень в метаморфозе «воли к власти» со стороны тех, кто лишен ее. На первой требуют справедливости от тех, в руках которых власть. На второй говорят «свобода», то есть хотят «отделаться» от тех, в чьих руках власть. На третьей говорят *«равные права»,* то есть хотят, пока сами еще не получили перевеса, воспрепятствовать и другим соискателям расти в могуществе.

87

Упадок *протестантизма:* теоретически и исторически он оценен как нечто половинчатое. Фактический перевес католицизма; чувство протестантизма настолько угасло, что сильнейшие *антипротестантские* движения не ощущаются более как таковые (пример: вагнеровский Парсифаль). Вся высшая духовность во Франции *католичка* по инстинкту; Бисмарк понял, что протестантизма вообще уже более нет.

88

Протестантизм – это умственно нечистоплотная и скучная форма декаданса, в которой христианство сумело сберечь себя до наших дней на жалком севере, ценен для познания

[38] В сущности *(фр.).*

как нечто половинчатое и составное, поскольку он объединяет в одних и тех же головах восприятия разного порядка и происхождения.

89

Во что обратил немецкий дух христианство! И возвращаясь к протестантизму: сколько пива в протестантском христианстве! Мыслима ли более духовно затхлая, более ленивая, разрушенная форма христианской веры, чем верования среднего немецкого протестанта?.. Это воистину назову я скромным христианством! Гомеопатией христианства назову я это! Мне напоминают о том, что в наше время существует и *нескромный* протестантизм, протестантизм придворного проповедника и антисемитских спекулянтов, но никто еще не утверждал, чтобы какой-нибудь «дух» «носился» над этими водами…[39] Это попросту более непристойная форма христианства, а вовсе не более разумная…

90

Прогресс. Не надо впадать в ошибку! Время бежит вперед, а нам хотелось бы верить, что и все, что в нем, бежит также вперед, что развитие есть развитие поступательное… Такова видимость, соблазняющая самых рассудительных. Но девятнадцатое столетие не есть движение вперед по сравнению с шестнадцатым; и немецкий дух в 1888 году есть шаг назад по сравнению с немецким духом 1788-го. «Человечество» не движется вперед, его и самого не существует. Общий аспект напоминает огромную экспериментальную лабораторию, где кое-что удается, рассыпанное на протяжении всех времен и эпох, и несказанно многое не удается, где нет никакого порядка, логики, связи и обязательности. Как можно не усмотреть, что возникновение христианства есть декадентское движение?.. Что немецкая реформация есть вторичное появление в усиленной форме христианского варварства?.. Что революция разрушила инстинкт, влекший к великой организации общества?.. Человек не есть шаг вперед по отношению к животному; культурная неженка – выродок по сравнению с арабом или корсиканцем; китаец – тип удачный, а именно более устойчивый, чем европеец.

B. Последние века

91

Омрачение, пессимистическая окраска – неизбежные спутники просвещения. Около 1770 года уже стали замечать отлив веселости. Женщины полагали, со свойственным женщине инстинктом, всегда становящимся на сторону добродетели, что виною тому безнравственность. Гальяни[40], тот попал прямо в цель – он цитирует стихи Вольтера:

Un monstre gai vaut mieux
Qu’un sentimental ennuyeux.

Если я теперь полагаю, что ушел в просвещении столетия на два вперед от Вольтера и даже Гальяни, который был нечто значительно более глубокое, то насколько же я при этом должен был подвинуться и в омрачении. Оно так и есть: и я своевременно с некоторого рода сожалением стал ограждать себя от немецкой и христианской узости и непоследовательно-

[39] См.: Быт. 1:2.

[40] *Гальяни Фердинандо* (1728—1787) – аббат, итальянский философ и публицист, друг Дидро, сотрудник «Энциклопедии».

сти шопенгауэровского или даже леопардиевского[41] пессимизма и пустился в поиски наиболее коренных, принципиальных форм (Азия). Но чтобы вынести *этот* крайний пессимизм (отзвуки которого тут и там слышатся в моем «Рождении трагедии»), чтобы прожить одиноким, «без Бога и морали», мне пришлось изобрести себе нечто противоположное. Быть может, я лучше всех знаю, почему только человек смеется: он один страдает так глубоко, что *принужден* был изобрести смех. Самое несчастное и самое меланхолическое животное – по справедливости и самое веселое.

92

По отношению к немецкой культуре у меня всегда было чувство, что она *идет на убыль.* То, что я познакомился именно с видом убывающей культуры, делало меня часто *несправедливым* по отношению к явлению европейской культуры *во всей ее совокупности.* Немцы всегда идут позади, с опозданием – они несут что-нибудь в *глубине,* например:

Зависимость от чужих стран; например: *Кант* – Руссо, сенсуалисты, Юм, Сведенборг.

Шопенгауэр – индийцы и романтика, Вольтер.

Вагнер – французский культ ужасного и большой оперы, *Париж* и бегство *в первобытное состояние* (брак брата с сестрой).

Закон *идущих в хвосте* (провинция за Парижем, Германия за Францией). *Как* именно *немцы открыли греков* (чем сильнее мы развиваем в себе какое-либо стремление, тем *привлекательнее* становится броситься при случае в его *противоположность*).

Музыка есть *постепенное* стихание звука.

93

Возрождение и Реформация. Что *доказывает* Возрождение? То, что царство «индивида» может быть лишь краткосрочным. Расточительность слишком велика: отсутствует даже самая возможность собирать, капитализировать, и истощение идет вслед за этим. Есть времена, когда все *растрачивается,* когда растрачивается даже та сила, при помощи которой собирают, капитализируют, копят богатство к богатству… Даже противники таких движений обречены на бессмысленное расточение сил, и они быстро приходят к истощению, обессилению, опустошению.

В Реформации мы имеем одичалое и мужицки грубое подобие итальянского Ренессанса, вызванное к жизни родственными инстинктами, с тою лишь разницей, что на севере, отсталом и оставшемся на низкой ступени развития, Ренессансу пришлось облечься в религиозные формы: понятие высшей жизни еще не отделилось там от понятия жизни религиозной.

И в Реформации индивид стремится к свободе: «всякий сам себе священник» – это тоже не более как одна из формул распущенности. И действительно, достаточно было одного слова «евангельская свобода», чтобы все инстинкты, имевшие основание оставаться скрытыми, вырвались наружу, как свора диких псов, грубейшие потребности внезапно обрели смелость, все стало казаться оправданным… Люди остерегались понять, какую свободу они в сущности разумели, закрывали на это глаза… Но то, что глаза были прикрыты и уста увлажнены мечтательными речами, не мешало тому, что руки загребали все, что им попадалось, что брюхо стало богом «свободного евангелия» и что все вожделения зависти и мести утолялись с ненасытимою яростью.

[41] *Леопарди Джакомо* (1798—1837) – итальянский поэт-романтик.

Так длилось некоторое время; затем наступило истощение, подобно тому как это случилось и в Южной Европе, но опять-таки *грубый* вид истощения: всеобщее mere in servitium[42]… Начался *неприличный* век Германии.[43]

94

Рыцарство как добытое с бою положение власти; его постепенное разрушение (и отчасти переход в нечто более широкое, буржуазное). У Ларошфуко налицо осознание основных мотивов этого благородства душевного строя и христиански омраченная оценка этих мотивов.

Продолжение христианства Французской революцией. Соблазнитель – Руссо: он вновь снимает оковы с женщины, которую с тех пор начинают изображать все более интересной – *страдающей.* Затем рабы и госпожа Бичер-Стоу. Затем бедные и рабочие. Затем порочные и больные – все это выдвигается на первый план (даже для того, чтобы вызвать сочувствие к гению, вот уже пятьсот лет они не могли найти лучшего средства, как изображать его великим страдальцем!). Затем выступает проклятие сладострастию (Бодлер и Шопенгауэр); решительнейшее убеждение, что стремление к властвованию есть величайший из пороков; совершенная уверенность в том, что мораль и dйsintйressement – тождественные понятия; что «счастье всех» есть цель, достойная стремлений (то есть Царство Небесное, по Христу). Мы стоим на верном пути: Небесное Царство нищих духом началось. Промежуточные ступени: буржуа (как parvenu[44] путем денег) и рабочий (как последствие машины).

Сравнение греческой культуры и французской времен Людовика XIV. Решительная вера в себя. Сословие праздных, всячески усложняющих себе жизнь и постоянно упражняющихся в самообладании. Могущество формы, воля к самооформливанию. «Счастье» как осознанная цель. Много силы и энергии *за* внешним формализмом. Наслаждение созерцанием, *по-видимому, столь легкой* жизни.

Греки представлялись французам *детьми.*

95

Три столетия.

Различие их *чувствительности* может быть выражено всего лучше следующим образом:

Аристократизм: Декарт, господство *разума* – свидетельство суверенитета *воли;*

Феминизм: Руссо, господство *чувства* – свидетельство суверенитета *чувств,* лживость;

Анимализм: Шопенгауэр, господство *похоти* – свидетельство суверенитета *животности,* честнее, но мрачнее. Семнадцатый век *аристократичен,* поклонник порядка, надменен по отношению к животному началу, строг к сердцу, лишен добродушия и даже души, «не немецкий» век, враждебный всему естественному и лишенному достоинства, обобщающий и властный по отношению к прошлому, ибо верит в себя. Au fond[45] в нем много хищника, много аскетического навыка – дабы сохранить господство. *Сильное волей* столетие, а также столетие сильных страстей.

Восемнадцатый век весь под властью *женщины,* мечтательный, остроумный, поверхностный, но умный, где дело касается желаний и сердца, libertin[46] в самых духовных насла-

---

[42] Погружение в рабство *(лат.).*

[43] Имеется в виду XVI в. – время развития сатирической литературы.

[44] Достигнутое *(фр.).*

[45] В сущности *(фр.).*

[46] Распущенный *(фр.).*

ждениях, подкапывающийся подо все авторитеты; опьяненный, веселый, ясный, гуманный, лживый перед самим собою, au fond – в значительной мере canaille[47], общительный…

Девятнадцатый век *более животный,* подземный; он безобразнее, реалистичнее, грубее и именно потому «лучше», «честнее», покорнее всякого рода действительности, *истинней;* зато слабый волею, зато печальный и темно-вожделеющий, зато фаталистичный. Нет страха и благоговения ни перед «разумом», ни перед «сердцем»; глубокая убежденность в господстве влечений. (Шопенгауэр говорил «воля», но ничего нет характернее для его философии, как отсутствие в ней действительной *воли.*) Даже мораль сведена к инстинкту («сострадание»).

Огюст Конт есть *продолжение восемнадцатого века* (господство «du coeur»[48] над «la tête»[49], сенсуализм в теории познания, альтруистическая мечтательность).

Та степень, в которой стала господствовать *наука,* указывает, насколько *освободилось* девятнадцатое столетие от *власти идеалов.* Известное «отсутствие потребностей», характеризующее нашу волю, впервые дало возможность развиться нашей научной любознательности и строгости – этому по преимуществу *нашему* виду добродетели…

Романтизм – *подделка* под восемнадцатый век, род раздутого стремления к его мечтательности высокого стиля (в действительности порядочное таки комедиантство и самообман: хотели изобразить *сильную натуру, великие страсти*).

Девятнадцатый век инстинктивно ищет *теорий,* которые оправдывали бы его *фаталистическое подчинение факту.* Уже успех *Гегеля,* в противовес «чувствительности» и романтическому идеализму, основывался на фатализме его образа мышления, на его вере в то, что преимущество разума на стороне победителей, на его оправдании реального «государства» (вместо «человечества» и т. д.). Шопенгауэр: мы – нечто неразумное и в лучшем случае даже нечто самоупраздняющееся. Успех детерминизма, генеалогического выведения, считавшихся прежде абсолютными *обязательствами,* учение о среде и приспособлении, сведение воли к рефлекторным движениям, отрицание воли как «действующей причины», наконец – полное изменение смысла: воли налицо так мало, что самое слово становится *свободным* и может быть употреблено для обозначения чего-либо другого. Дальнейшие теории: учение об *объективности,* о «бесстрастном» созерцании как единственном пути к истине, *также и к красоте* (вера в *«гений»* для того, чтобы иметь право *подчиняться*); механичность, обезличивающая косность механического процесса; мнимый «натурализм», исключение избирающего, судящего, истолковывающего субъекта как принцип.

Кант со своим «практическим разумом», со своим *фанатизмом морали* весь еще – восемнадцатый век, еще всецело вне исторического движения; не восприимчивый к действительности своего времени, например к революции, не затронутый греческой философией; фанатик понятия долга; сенсуалист на подкладке догматической избалованности.

Возврат к Канту в нашем столетии есть *возврат к восемнадцатому веку:* захотели снова добыть себе право на *старые идеалы* и на старые мечты – в этих целях и теория познания, «полагающая границы», то есть дозволяющая *устанавливать по своему усмотрению некое «потустороннее» разума…*

Образ мышления *Гегеля* не далек от *Гёте:* вслушайтесь в слова Гёте о *Спинозе.* Воля к обожествлению целого и жизни, дабы в их созерцании и исследовании обрести *покой и счастье.* Гегель всюду ищет разума – перед разумом *можно смириться и покориться.* У Гёте особого рода, почти *радостный и доверчивый фатализм,* не бунтующий, не утомленный, из

[47] Негодяй *(фр.).*

[48] Сердца *(фр.).*

[49] Головой *(фр.).*

себя самого стремящийся создать нечто целостное, веруя, что только в целом все освобождается и является благим и оправданным.

96

Период *Просвещения,* за ним период *чувствительности.* В какой мере Шопенгауэр принадлежит к периоду «чувствительности» (Гегель – к духовности)?

97

Семнадцатый век *болеет человеком* как некой *суммой противоречий* («l'amas de contradictions»[50], который мы являем собою); он стремится открыть человека, откопать его, *ввести его в строй,* тогда как восемнадцатый век старается забыть все, что известно о природе человека, дабы приладить его к своей утопии. «Поверхностный, мягкий, гуманный» век, восторгающийся «человеком».

Семнадцатый век стремится стереть следы индивида, дабы творение имело возможно больше сходства с жизнью. Восемнадцатый век стремится творением *вызвать интерес к автору.* Семнадцатый век ищет в искусстве искусства как некоторой части культуры; восемнадцатый ведет путем искусства пропаганду реформ социального и политического характера.

«Утопия», «идеальный человек», обожествление природы, суетность самовыставления, подчинение пропаганде *социальных* целей, шарлатанство – вот что к нам перешло от восемнадцатого века.

Стиль семнадцатого века: propre, exact et libre[51]. Сильный индивид, довлеющий самому себе или перед лицом Бога усердно трудящийся, и эта современная авторская пронырливость, навязчивость – вот *крайние противоположности.* «Выставлять себя на первое место» – сравните с этим ученых Порт-Рояля.

У Альфиери было понимание *высокого стиля.*

Ненависть к «burlesque»[52] (лишенному достоинства) и *недостаток чувства естественного* – вот черты *семнадцатого* века.

98

Против Руссо. К сожалению, человек в настоящее время уже не достаточно зол; противники Руссо, говорящие: «человек – хищное животное», – к сожалению, не правы. Не в извращенности человека проклятие, а в изнеженности, в оморалении его. В той сфере, на которую всего ожесточеннее нападал Руссо, тогда еще сохранялась *сравнительно* сильная и удачная порода людей (обладавшая еще ненадломленными великими аффектами: волею к власти, волею к наслаждению, волею и способностью повелевать). Следует сравнить человека восемнадцатого века с человеком Возрождения (или человеком семнадцатого века во Франции), чтобы заметить, в чем тут дело: Руссо – симптом самопрезрения и разгоряченного тщеславия. И то и другое – показатели недостатка доминирующей воли: он морализирует и, как человек затаенной злобы, ищет *причину* своего ничтожества в *господствующих* классах.

[50] Скопление противоречий *(фр.).*

[51] Способный, точный и свободный *(фр.).*

[52] Шутовскому *(фр.).*

99

Вольтер – Руссо. Природное состояние – ужасно, человек – хищный зверь, наша цивилизация – неслыханный *триумф* над этой природой хищного зверя, *так умозаключал Вольтер.* Он ценил смягчение нравов, *утонченности,* духовные радости цивилизованного состояния; он презирал ограниченность, даже в форме добродетели, недостаток деликатности, даже у аскетов и монахов.

Руссо больше всего занимало *нравственное несовершенство* человека; словами «несправедливо», «жестоко» всего легче разжечь инстинкты угнетенных, которые обыкновенно сдерживаются страхом vetitum[53] и немилости, *причем их совесть предостерегает их от бунтарских вожделений.* Эти эмансипаторы стремятся прежде всего к *одному:* сообщить своей партии пафос и позы *высшей натуры*.

100

Руссо: норма строится у него на чувстве; природа – как источник справедливости; человек совершенствуется в меру того, насколько он *приближается к природе* (по Вольтеру – в меру того, насколько он *от нее отдалился*). Одни и те же эпохи для одного суть эпохи прогресса *гуманности,* для другого это эпохи увеличения несправедливости и неравенства.

Вольтер понимает humanita[54] все еще в смысле Ренессанса, также и virtu (как «высокую культуру»), он борется за интересы «des honnktes gens»[55] и «de la bonne compagnie»[56], за интересы вкуса, науки, искусства, самого прогресса и цивилизации.

Борьба загорается около 1760 года: женевский гражданин и le seigneur de Ferney[57]. Только с этих пор Вольтер становится представителем своего века, философом, представителем терпимости и неверия (до тех пор он лишь un bel esprit[58]). Зависть и ненависть к успеху Руссо подвигли его вперед, «на вершины».

Pour «la canaille» un Dieu rémunérateur et vengeur[59] – Вольтер.

Критика обеих точек зрения по отношению *к ценности цивилизации. Социальное изобретение* – для Вольтера прекраснейшее из всех: нет цели выше, как поддерживать и усовершенствовать его; в том-то и honnêteté[60], чтобы чтить социальные обычаи; добродетель – подчинение известным необходимым «предрассудкам» в интересах поддержания «общества». *Миссионер культуры,* аристократ, сторонник победоносных господствующих классов и их оценок. Руссо же остался *плебеем* как homme de lettres[61], – это было *неслыханно;* его дерзкое презрение ко всему тому, чем он сам не был.

Болезненное в Руссо наиболее восхищало и *вызывало подражание.* (Ему родственен лорд Байрон; он также взвинчивал себя и принимал возвышенные позы, разжигал в себе мстительный гнев; позднее, благодаря *Венеции,* он пришел к равновесию и понял, что более *облегчает и примиряет… l'insouciance.*)

Руссо горд тем, что он есть, несмотря на свое происхождение; но он выходит из себя, когда ему об этом напоминают…

---

[53] Запрета *(лат.).*

[54] Человечество *(ит.).*

[55] Честных людей *(фр.).*

[56] Хорошего общества *(фр.).*

[57] Помещик из Фернея *(фр.).*

[58] Остряк *(фр.).*

[59] За «негодяя» – вознаграждение и мщение Бога *(фр.).*

[60] Честность, порядочность *(фр.).*

[61] Писатель *(фр.).*

У Руссо несомненное *помешательство,* у Вольтера необычайное здоровье и легкость. *Затаенная злоба* (rancune) больного; периоды его сумасшествия также есть периоды его презрения к людям и недоверчивости.

Защита *Провидения* у Руссо (против пессимизма Вольтера), он *нуждался* в Боге, чтобы иметь возможность кинуть проклятие в общество и цивилизацию; все должно было само по себе быть хорошим, как сотворенное Богом; *только человек извратил человека.* «Добрый человек», как природный человек, был чистейшей фантазией, но в связи с догматом авторства Божия – нечто возможное и обоснованное.

*Романтика a la Руссо.*Страсть («верховное право страсти»), естественность, пленение безумием (дурачество, признаваемое за величие); мстительная злоба черни в качестве *судии,* безрассудное тщеславие слабого («в политике уже в течение ста лет избирали вождем больного»).

101

Кант сделал *приемлемым* для немцев теоретико-познавательный скептицизм англичан:

1) связав с ним моральные и религиозные интересы немцев, подобно тому как на том же основании академики позднейшего периода использовали скепсис как подготовление к платонизму (vide[62] Августин), или, как Паскаль, использовал даже *этический* скепсис, чтобы пробудить («оправдать») потребность в вере;

2) снабдив его схоластическими выкрутасами и вычурностями и этим сделав его приемлемым для научно-формального вкуса немцев (ибо Локк и Юм сами по себе были еще слишком ясны, прозрачны, то есть, измеряя немецким мерилом, «слишком поверхностны»…).

Кант: неважный психолог и знаток человека; грубо заблуждающийся относительно ценности великих исторических моментов (Французская революция); фанатик морали a la Руссо; с подпочвенным христианством оценок; догматик с головы до пят, но с тяжеловесным недовольством этой своей наклонностью вплоть до желания тиранить ее, но тотчас же утомляющийся и скепсисом; еще не овеянный ни единым дуновением космополитических вкусов и античной красоты… *задерживатель и посредник,* лишенный оригинальности (как *Лейбниц посредничал и перекидывал* мосты между механикой и спиритуализмом, *Гёте* – между вкусом восемнадцатого века и вкусом «исторического понимания» (по существу своему носящего характер экзотизма, как *немецкая музыка* – между французской и итальянской музыкой, как Карл Великий – между imperium Romanum[63] и национализмом, задерживатель par excellence).

102

В какой мере *христианские* столетия с их пессимизмом были *более сильными* столетиями, нежели восемнадцатый век, этому соответствует *трагический* век в Греции. Девятнадцатый век *против* восемнадцатого века. В чем-то наследует ему, в чем-то идет назад (меньше тонкости мысли, вкуса), в чем-то превосходит его (мрачнее, реалистичнее, *сильнее*).

103

Какое *значение* имеет тот факт, что Campagna romana возбуждает в нас определенные чувства? А также и горы?

---

[62] Смотри *(лат.).*

[63] Римской империей *(лат.).*

Шатобриан в письме от 1803 года к г. де Фонтану передает первое впечатление от Campagna romana.

Президент де Бросс говорит о Campagna romana: «Il fallait que Romulus fait ivre, quand il songea a bвtir une ville dans un terrain aussi laid».[64]

Делакруа[65] также не любил Рима, он нагонял на него страх. Он был без ума от Венеции, как Шекспир, как Байрон, как Жорж Санд. Нерасположение к Риму испытывали также Теофиль Готье и Рихард Вагнер.

Ламартин[66] восхваляет Сорренто и Позилиппо.

Виктор Гюго восторгается Испанией, «parce que aucune autre nation n'a moins empruntй a l'antiquitй, parce qu'elle n'a subi aucune influence classique».[67]

104

Две великие попытки преодолеть восемнадцатый век:

Наполеон, вновь пробудивший мужа, воина и великую борьбу из-за власти, замыслив Европу как политическое целое;

Гёте, возмечтавший о единой европейской культуре, полностью наследующей всю *уже достигнутую* «гуманитарность».

Немецкая культура нашего века возбуждает к себе недоверие – в музыке недостает того полного, освобождающего и связующего элемента «Гёте».

105

Перевес *музыки* у романтиков 1830 и 1840 годов. Делакруа. Энгр, страстный музыкант (культ Глюка, Гайдна, Бетховена, Моцарта), говорил своим ученикам в Риме: «Si je pouvais vous rendre tous musiciens, vous y gagneriez comme peintres»[68]; равным образом Горас Верна, с его особенной страстью к Дон Жуану (как об этом свидетельствует в 1831 году Мендельсон); равным образом Стендаль, который говорит о себе: «Combien de lieues ne ferais-je pas a pied, et a combien de jours de prison ne me soumetterais-je pas pour *entendre Don Juan ou le Matrimonio segreto;* et je ne sais pour quelle autre chose je ferais cet effort»[69]. В то время ему было 56 лет от роду.

Заимствованные формы, например Брамс, как типичный «эпигон»; образованный протестантизм Мендельсона имеет тот же характер (здесь поэтически воспроизводится некоторая былая «душа»…).

Моральные и поэтические подстановки у Вагнера, *одно* искусство как средство по нужде для возмещения недостатков *другого.*

«Историческое понимание», поэзия саги как источник вдохновения.

То типичное превращение, наиболее ярким примером которого между французами может служить Г. Флобер, а между немцами Рихард Вагнер; как романтическая вера в любовь и будущее уступает место стремлению в «Ничто»; с 1830 по 1850 год.

---

[64] «Вероятно, Ромул был пьян, когда задумал выстроить город в такой безобразной местности» *(фр.).*

[65] *Делакруа Эжен* (1798—1863) – французский художник, «глава» романтической школы живописи.

[66] *Ламартин Альфонс де* (1790—1869) – французский историк и поэт, считающийся «первым из романтиков».

[67] «Потому что никакая другая нация не взяла так мало у античности, потому что она не подвергалась влиянию классики» *(фр.).*

[68] «Если бы я мог вас всех сделать музыкантами, вы бы от этого выиграли как художники» *(фр.).*

[69] «Сколько бы лье не прошел я пешком и сколько бы дней не провел я в тюрьме ради того, чтобы только услышать «Дон Жуана» или «Матримонио секрето», и я не знаю, ради чего другого я бы сделал подобное усилие» *(фр.).*

106

Отчего немецкая музыка достигает кульминационного пункта ко времени немецкого романтизма? Отчего нет Гёте в немецкой музыке? И зато сколько Шиллера, вернее, сколько «Теклы» в Бетховене!

В Шумане – Эйхендорф, Уланд, Гейне, Гофман и Тик. В Рихарде Вагнере – Фрейшютц, Гофман, Гримм, романтическая сага, мистический католицизм инстинкта, символизм, «свободомыслие страсти» (замысел Руссо). «Летучий Голландец» отзывается Францией, где в 1830-м le ténébreux[70] был типом соблазнителя.

Культ музыки, культ революционной романтики формы. Вагнер *резюмирует* романтизм, немецкий и французский.

107

Рихард Вагнер остается, если рассматривать его лишь в отношении ценности его для Германии и немецкой культуры, большою загадкою, может быть, несчастием для немцев, во всяком случае неким роком; но что в этом? Разве он не нечто большее, чем только немецкое событие? Мне даже кажется, что он менее всего принадлежит Германии; ничто там не было к нему подготовлено, весь тип его остался прямо чуждым, странным, непонятым, непонятным для немцев. Однако все остерегаются в этом сознаться: для этого мы слишком добродушны, слишком неотесанны, слишком немцы. «Credo quia absurdus est»[71] – этого хочет, и хотел в данном случае, немецкий дух – и верит пока всему, чему Вагнер хотел бы, чтоб о нем верили. Немецкому духу во все времена in psychologicis[72] не хватало тонкости и прозрения. В настоящее время, когда он находится под гнетом патриотизма и самолюбования, он на глазах становится все неповоротливее и грубее: где уж ему до проблемы Вагнера!

108

Немцы пока *не представляют* из себя *ничего,* но они *становятся* чем-то; следовательно, у них еще нет культуры, следовательно, у них и не может еще быть культуры! Они еще не представляют ничего; это значит, что они и то и се. Они *становятся* чем-то; это значит, что со временем они перестанут быть и тем и сем. Последнее в сущности только пожелание, пока еще даже не надежда; но, к счастью, это такое пожелание, опираясь на которое, можно жить, это настолько же дело воли, работы, воспитания, подбора и дрессировки, насколько и дело негодования, стремления, ощущения недостаточности, неудовольствия, даже озлобления, короче, мы, немцы, *желаем* чего-то от себя, чего от нас до сих пор еще не требовали, мы желаем чего-то *большего.*

То, что этому «немцу, какого еще нет», довлеет нечто лучшее, чем современное немецкое «образование»; то, что все, пребывающие в этом процессе «становления», должны приходить в бешенство, когда они встречаются с довольством в этой области, с нахальным «самоуспокоением» и «каждением перед собой»; это мое второе положение, от которого я все еще не имею оснований отказаться.

---

[70] Мрачный человек, меланхолик *(фр.).*

[71] Верую потому, что бессмысленно *(лат.).*

[72] В области психологии *(лат.).*

C. Признаки подъема сил

109

Основное положение: некоторая доля упадка присуща всему, что характерно для современного человека; но рядом с болезнью подмечаются признаки неиспытанной еще силы и могущества души. *Те же причины, которые вызывают измельчание людей, влекут более сильных и более редких вверх к величию.*

110

Конечный вывод: допускающий двоякое толкование характера нашего *современного мира* – одни и те же симптомы могут указывать и на *падение,* и на *силу.*

Признаки силы, достигнутой зрелости могли бы быть *ошибочно приняты* за слабость, если в основу будет положена традиционная *(отсталая)* оценка чувства. Одним словом, *чувство,* как *мерило ценности, не на высоте времени.*

Если обобщить: чувство ценности всегда *отстает;* оно выражает условия сохранения, роста, соответствующие гораздо более раннему времени; оно борется против новых условий существования, под влиянием которых оно не возникало и которых оно неизбежно не понимает; оно тормозит, возбуждает подозрение против всего нового…

111

Проблема девятнадцатого века. Связаны ли между собою его слабые и сильные стороны? Иссечен ли он из одного куска? Обусловлены ли какой-либо высшей целью, *как* нечто более высокое, разнообразие и противоречивость его идеалов? Ибо это могло бы быть *предопределением к величию* – расти в такой страшной напряженности противоречий. Недовольство, нигилизм *могли бы быть хорошими знамениями.*

112

Общий вывод. Фактически всякое крупное возрастание влечет за собой и огромное *отмирание частей и разрушение:* страдание, симптомы упадка характерны для времен огромных движений вперед; каждое плодотворное и могущественное движение человеческой мысли вызывало *одновременно* и нигилистическое движение. Появление *крайней* формы пессимизма, истинного *нигилизма* могло бы быть при известных обстоятельствах признаком решительного и коренного роста, перехода в новые условия жизни. *Это я понял.*

113

A

Нужно отправляться от полного и смелого *признания ценности* нашего современного человечества; не надо поддаваться обману, видимости; это человечество не так «эффектно»; но оно представляет несравненно большие гарантии *устойчивости,* его темп медленнее, но самый такт много богаче. *Здоровье* прибывает, действительные условия для создания крепкого тела поняты и мало-помалу созидаются, «аскетизм» ironice[73]. Боязнь крайностей, известное доверие к «истинному пути», отсутствие мечтательности, пока что попытка вжиться в более узкие ценности (как то: «отечество», «наука» и т. д.).

[73] Иронический *(ит.).*

Эта картина в общем все еще была бы *двусмысленной:* это могло бы быть *восходящим,* но также, пожалуй, и *нисходящим* движением жизни.

В

Вера в *«прогресс»* – для низшей сферы разумения она может сойти за признак восходящей жизни; но это самообман; для высшей сферы разумения – за признак *нисходящей.*

Описание симптомов.

Единство точки зрения; неустойчивость в установке масштаба ценностей.

Страх перед всеобщим «напрасно».

Нигилизм.

114

Собственно говоря, нам уж более и не нужно противоядие против *первого* нигилизма: жизнь теперь уже не настолько необеспечена, случайна и бессмысленна у нас в Европе. Теперь уже не нужно такое чрезмерное *потенцирование* ценности человека, ценности зла и т. д., – мы допускаем значительное *понижение* этой ценности, мы можем вместить и много бессмысленного и случайного: достигнутая человеком *сила* позволяет *смягчить* суровость муштровки, самым сильным средством которой была моральная интерпретация. «Бог» – это слишком крайняя гипотеза.

115

Если наше *очеловечение* в каком-либо смысле может считаться действительно фактическим *прогрессом,* то только в том, что мы больше не нуждаемся в крайних противоположностях, вообще ни в каких противоположностях… мы приобрели право любить наши внешние чувства, мы во всех степенях и отношениях одухотворили их и сделали их артистическими; мы приобрели право на все те вещи, которые до сих пор пользовались *самой дурной славой.*

116

Переворот в порядке рангов. Фальшивые монетчики благочестия, священники, становятся для нас *чандалой:* они заняли место шарлатанов, знахарей, фальшивых монетчиков, колдунов; мы считаем их за развратителей воли, за величайших клеветников на жизнь и мстителей жизни, за *возмутителей* в среде неудачников. Из касты прислужников, *судр,* мы сделали наше среднее сословие, наш «народ», то, чему мы вручили право на политические решения.

С другой стороны, прежняя *чандала* занимает верхи: впереди всех *богохульники, имморалисты,* всякого рода бродячий элемент, артисты, евреи, музыканты, в сущности все *ославленные* человеческие классы.

Мы возвысились до *честных* мыслей, мало того, мы *определяем,* что такое честь на земле, «знатность»… Мы все теперь *заступники за жизнь.* Мы, *имморалисты,* теперь *главная сила:* другие великие власти нуждаются в нас… Мы строим мир по подобию своему.

Мы перенесли понятие «чандала» на *священников, учителей потустороннего,* и на сросшееся с ними *христианское общество,* с присоединением всего, имеющего одинаковое с ними происхождение, пессимистов, нигилистов, романтиков сострадания, преступников, людей порочных, всю ту сферу, где изобретено было понятие «Бога» как *спасителя*…

Мы гордимся тем, что нам уже не нужно быть лжецами, клеветниками, заподозревателями жизни…

117

Прогресс девятнадцатого столетия по отношению к восемнадцатому (в сущности, мы, *настоящие европейцы,* ведем войну против восемнадцатого столетия):

1) «возврат к природе» все решительнее понимается в смысле прямо противоположном тому, который придавал этому термину Руссо; *прочь от идиллии и от оперы;*

2) все решительнее – антиидеализм, объективность, бесстрашие, трудолюбие, чувство меры, недоверие к внезапным переменам, *антиреволюционность;*

3) все более решительная постановка на первое место вопроса о *здоровье тела,* а не о здоровье души; последняя понимается как некоторое состояние, обусловленное первым, первое по меньшей мере как первоусловие здоровья души.

118

Если что и достигнуто, так это более беззаботное отношение к нашим внешним чувствам, более радостное, благорасположенное, гётевское отношение к чувственности вообще; равным образом более гордое чувство по отношению к познанию: «чистый глупец» встречает мало веры в себя.

119

Мы – *«объективные».* То не сострадание, что отверзает *нам* врата к наиболее отдаленным и чуждым нам формам бытия и культуры; но наша доступность и непредвзятость, которая именно не сострадает, но, напротив того, находит интерес и забаву в тысяче вещей, от которых прежде страдали (которые возмущали, которыми поражались или на которые смотрели враждебно и холодно). Страдание во всех его оттенках нам теперь интересно, но от этого мы, конечно, *не* являемся более сострадательными даже в том случае, если созерцание страдания до глубины души потрясает нас и трогает нас до слез: мы из-за этого решительно не приходим в настроение большей готовности на помощь.

В этом *добровольном* желании созерцания всякого рода нужды и проступков мы окрепли и выросли в силе по сравнению с восемнадцатым веком; это – доказательство роста нашей мощи (мы *приблизились* к XVII и XVI столетиям). Но было бы глубоким недоразумением рассматривать нашу «романтику» как доказательство нашей «более прекрасной души». Мы стремимся к сильным sensations[74], как к тому же стремились все *более грубые* времена и слои народа. (Это надо тщательно отличать от потребности слабых нервами и декадентов, у которых мы видим потребность в перце, даже жестокость.)

Мы *все* ищем таких состояний, к которым бы не *примешивалась более* буржуазная мораль, а еще того менее – поповская мораль (каждая книга, от которой еще веет пасторским и богословским воздухом, производит на нас впечатление достойной сожаления niaiserie[75] и бедности). «Хорошее общество» – это такое общество, где в сущности ничем не интересуются, кроме того, что *запрещено* в буржуазном обществе и что пользуется там дурною славою; так же обстоит дело и с книгами, музыкой, политикой, оценкой женщины.

[74] Ощущениям *(фр.).*

[75] Глупости *(фр.).*

120

Приближение человека к природе в XIX столетии (восемнадцатый век – столетие элегантности, тонкости и des sentiments généreux[76]). *Не* «возврат к природе», ибо еще никогда не бывало естественного человечества. Схоластика неестественных и противоестественных ценностей, вот – правило, вот – начало; к природе человек приходит после долгой борьбы, никогда не возвращается к ней назад… Природа – это значит решиться быть столь же неморальным, как природа.

Мы грубее, прямее, мы полны иронии к великодушным чувствам, даже когда мы сами подпадаем под власть их. Естественнее стало наше высшее *общество* – общество богатых, праздных: люди охотятся друг на друга, половая любовь – род спорта, в котором брак играет роль препятствия и приманки; развлекаются и живут ради удовольствия; в первую очередь ценят телесные преимущества; развиты любопытство и смелость.

Естественнее стало наше отношение к *познанию;* мы с чувством полной непорочности предаемся распутству духа, мы ненавидим патетические и гиератические[77] манеры, мы находим себе забаву в самых запретных вещах, у нас едва ли был бы еще какой-либо интерес к познанию, если бы по дороге к нему мы принуждены были скучать. Естественнее стало наше отношение к *морали.* Принципы стали смешными; никто более не решается без иронии говорить о своем «долге». Но ценится готовый на помощь, доброжелательный строй души (мораль видят *в инстинкте* и пренебрегают остальным. Кроме разве нескольких понятий по вопросам чести).

Естественнее стало наше положение in politicis[78]: мы усматриваем проблемы мощи, quantum[79] силы, относительно другого quantum'а. Мы не верим в право, которое бы не покоилось на силе отстоять себя, мы ощущаем все права как завоевания.

Естественнее стала наша оценка *великих людей* и *вещей:* мы считаем страсть за преимущество, мы не признаем великим ничего, к чему бы не примешивалось и великого преступления; мы воспринимаем всякое величие как постановку себя вне круга морали.

Естественнее стало наше отношение к *природе:* мы уже не любим ее за ее «невинность», «разумность», «красоту»; мы ее таки порядком «одьяволили» и «оглупили». Но вместо того чтобы ее презирать за это, мы с тех самых пор стали чувствовать себя в ней больше «дома», она стала нам как-то роднее. Она не претендует на добродетель: мы уважаем ее за это.

Естественнее стало наше отношение к *искусству,* мы не требуем от него прекрасных вымыслов и т. п.; царит грубый позитивизм, который констатирует, сам не возбуждаясь.

In summa: стали заметны признаки того, что европеец XIX столетия менее стыдится своих инстинктов; он сделал добрый шаг к тому, чтобы когда-нибудь признаться самому себе в своей безусловной естественности, то есть своей неморальности, *без всякой горечи:* напротив того, с сознанием своей силы вынести лицезрение этой истины.

Для некоторых сказанное будет звучать как утверждение, что *испорченность* шагнула вперед и действительно человек приблизился не к природе, о которой говорит *Руссо,* но сделал лишний шаг вперед к *той* цивилизации, которую он *отвергал.* Мы *возросли в силе,* мы опять ближе подошли к XVII веку, а именно ко вкусам, установившимся в конце его (Данкур, Лесаж, Реньяр).

---

[76] Щедрых, великодушных чувств *(фр.).*

[77] *Гиератический (иератический)* – священный, жреческий.

[78] В политике *(лат.).*

[79] Некоторое количество *(лат.).*

121

Культура contra[80] *цивилизация.* Высшие точки подъема культуры и цивилизации не совпадают: не следует обманываться в вопросе о глубочайшем антагонизме между культурой и цивилизацией. Великие моменты культуры всегда были, морально говоря, эпохами испорченности; и с другой стороны, эпохи преднамеренного и насильственного *укрощения зверя – человека* (цивилизации) были временами нетерпимости по отношению к наиболее духовным и наиболее смелым натурам. Цивилизация желает чего-то другого, чем культура, – быть может, даже чего-то прямо противоположного.

122

От чего я предостерегаю? От смешения инстинктов декаданса с *гуманностью;*

от смешения *разлагающих и необходимо влекущих к декадансу средств* цивилизации *с культурой;*

от смешения *распущенности* и принципа «laisser aller»[81] с *волей к власти* (она представляет из себя *прямо противоположный* принцип).

123

Нерешенные проблемы, вновь поставленные мною: *проблема цивилизации,* борьба между Руссо и Вольтером около 1760-го. Человек становится глубже, недоверчивее, «аморальнее», сильнее, самоувереннее и постольку *«естественнее».* Это прогресс. При этом путем известного разделения труда отделяются озлобленные слои от смягченных, обузданных, так что *общий факт* не так-то легко бросается в глаза. Из самой природы *силы,* власти над собою и обаяния силы вытекает то, что эти более сильные слои овладевают искусством принудить всех видеть в их озлоблении нечто *высшее.* Всякий «прогресс» сопровождается истолкованием возросших в силе элементов в смысле «добра».

124

Возвратить людям *мужество* их естественных инстинктов.

Препятствовать их *низкой самооценке (не* обесценению в себе человека как индивида, а человека как природы)…

Устранить из вещей *противоположности,* постигнув, что мы их сами вложили в них.

Устранить вообще из жизни *идиосинкразию общественности* (вина, наказание, справедливость, честность, свобода, любовь и т. д.).

Движение вперед к *«естественности»:* во всех политических вопросах, также и во взаимоотношении партий, даже меркантильных, рабочих или работодательских партий, дело идет о *вопросах мощи:* «что я *могу»* – и лишь затем как вторичное: «что я *должен».*

125

Социализм, как до конца продуманная *тирания* ничтожнейших и глупейших, то есть поверхностных, завистливых, на три четверти актеров, действительно является конечным выводом из «современных идей» и их скрытого анархизма, но в тепловатой атмосфере демократического благополучия слабеет способность делать выводы, да и вообще приходить к какому-либо определенному *концу.* Люди плывут по течению, но не выводят заключений.

---

[80] Против *(лат.).*

[81] Небрежности *(фр.).*

Поэтому в общем социализм представляется кисловатой и безнадежной вещью; и трудно найти более забавное зрелище, чем созерцание противоречия между ядовитыми и мрачными физиономиями современных социалистов и безмятежным бараньим счастьем их надежд и пожеланий. А о каких жалких, придавленных чувствах свидетельствует хотя бы один их стиль! Однако при всем том они могут во многих местах Европы перейти к насильственным актам и нападениям; грядущему столетию предстоит испытать основательные «колики», и Парижская коммуна, находящая себе апологетов и защитников даже в Германии, окажется, пожалуй, только легким «несварением желудка» по сравнению с тем, что предстоит. Тем не менее собственников всегда будет более чем достаточно, что помешает социализму принять характер чего-либо большего, чем приступа болезни; а эти собственники, как один человек, держатся той веры, «что надо иметь нечто, чтобы *быть* чем-нибудь». И это – старейший и самый здоровый из всех инстинктов; я бы прибавил: «нужно стремиться иметь больше, чем имеешь, если хочешь *стать* чем-либо большим». Так говорит учение, которое сама жизнь проповедует всему, что живет: мораль развития. Иметь и желать иметь больше, *рост,* одним словом, – в этом сама жизнь. В учении социализма плохо спрятана «воля к отрицанию жизни»: подобное учение могли выдумать только неудавшиеся люди и расы. И в самом деле, мне бы хотелось, чтобы на нескольких больших примерах было показано, что в социалистическом обществе жизнь сама себя отрицает, сама подрезает свои корни. Земля достаточно велика, и человек все еще недостаточно исчерпан, чтобы такого рода практическое поучение и demonstratio ad absurdum[82] представлялись мне нежелательными, даже в том случае, если бы они могли быть достигнуты лишь ценою затраты огромного количества человеческих жизней. Как бы то ни было, но даже в качестве беспокойного крота под почвою погрязшего в своей глупости общества социализм может представить нечто полезное и целительное; он замедляет наступление «на земле мира» и окончательное проникновение добродушием демократического стадного животного, он вынуждает европейцев к сохранению достаточного ума, то есть хитрости и осторожности, удерживает их от окончательного отказа от мужественных и воинственных добродетелей, – он до поры до времени защищает Европу от угрожающего ей marasmus femininus.[83]

126

Наиболее удачные «лекарства» современности:

1) общая *воинская повинность* с настоящими войнами, при которых не до шутки;

2) *национальная* ограниченность (упрощающая, концентрирующая);

3) улучшенное *питание* (мясо);

4) все более *чистые* и здоровые жилища;

5) преобладание *физиологии* над теологией, моралистикой, экономикой и политикой;

6) воинская суровость в требовании и исполнении своих «обязанностей» (более не *хвалят*).

127

Меня *радует* военное развитие Европы, а также анархизм во внутренних состояниях: пора покоя и китайщины, которую Гальяни предсказывал для этого столетия, прошла. Личная *мужественная* дельность, крепость тела вновь приобретают ценность, оценки становятся более физическими, в питании появляется больше мяса. Прекрасные мужи становятся вновь возможными. Бледное ханжество (с мандаринами во главе, как о том мечтал Конт)

[82] Доказательство от бессмыслицы *(лат.).*

[83] Женского маразма *(лат.).*

отжило свой век. В каждом из нас *сказано* варвару *«да»,* также и дикому зверю. *Именно поэтому* от философов теперь можно ждать большего. Кант еще со временем станет огородным пугалом!

128

Я не нашел еще *никаких* оснований к унынию. Кто сохранил и воспитал в себе *крепкую волю,* вместе с широким умом, имеет более благоприятные шансы, чем когда-либо. Ибо способность человека быть *дрессируемым* стала весьма велика в этой демократической Европе; люди, легко обучающиеся, легко поддающиеся, представляют правило; стадное животное, даже весьма интеллигентное, подготовлено. Кто может повелевать, находит таких, которые *должны* подчиняться: я имею в виду, например, Наполеона и Бисмарка. Конкуренция с сильными и *неинтеллигентными* волями, которая служит главнейшим препятствием, незначительна. Кто ж не справится с этими господами, «объективными», слабыми волей, вроде Ранке или Ренана!

129

Духовное просвещение – вернейшее средство сделать людей неустойчивыми, слабыми волей, ищущими сообщества и поддержки, короче, развить в человеке стадное животное; вот почему до сих пор все великие правители-художники (Конфуций в Китае, imperium Romanum, Наполеон, папство в те времена, когда оно было обращено к власти, а не только к миру), в которых достигли своего *кульминационного* пункта господствующие инстинкты, пользовались и духовным просвещением, – по меньшей мере предоставляли ему *свободу действия* (как папы Ренессанса). Самообман толпы по этому вопросу, как, например, это имеет место во всей демократии, в высшей степени ценен: к измельчанию человека и к приданию ему большей гибкости в подчинении всякому управлению стремятся, видя в том «прогресс»!

130

Высшая справедливость и кротость как состояние *ослабления* (Новый Завет и первоначальная христианская община, являющаяся полной bêtise[84] у англичан, Дарвина, Уоллеса). Ваша *справедливость,* о высшие натуры, гонит вас к suffrage universel[85] и т. п., ваша человечность – к кротости по отношению к преступлению и глупости. С течением времени вы приведете этим путем глупость и необдуманность к победе: довольство и глупость – *середина.*

С внешней стороны: столетие необычайных войн, переворотов, взрывов. *С внутренней стороны:* все большая слабость людей, *события* как *возбудители.* Парижанин как европейская крайность.

Следствия:

1) *варвары* (сначала, конечно, под видом старой культуры);

[84] Глупостью *(фр.).*

[85] Всеобщему избирательному праву *(фр.).*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.